

На чужих кривых дорогах

Арина Бугровская

18+

Арина Бугровская

На чужих кривых дорогах

«Автор»

2026

Бугровская А.

На чужих кривых дорогах / А. Бугровская — «Автор», 2026

По пыльной просёлочной дороге шагают уставшие люди. Девушка, потерявшая всё, даже имя. Бабка, которую выгнала из дома то ли болезнь, то ли злая невестка. Митька беглый крепостной парнишка. Ксения прошлое её окутано неизвестностью, сумеет ли она хоть что-то узнать о себе? Маруся. Что успела натворить эта малышка, если за ней ведётся настоящая охота? И другие. Своя ли воля погнала их в путь? Или чужая недобрая? И где найдут приют их бедные головушки? Куда приведёт их дорога? Пока я не знаю. Бреду вместе с ними...

© Бугровская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	12
Глава 6	14
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	22
Глава 11	24
Глава 12	26
Глава 13	28
Глава 14	30
Глава 15	33
Глава 16	35
Глава 17	38
Глава 18	41
Глава 19	43
Глава 20	45
Глава 21	48
Глава 22	49
Глава 23	50
Глава 24	52
Глава 25	54
Глава 26	57
Глава 27	59
Глава 28	61
Глава 29	64
Глава 30	66
Глава 31	69
Глава 32	71
Глава 33	73
Глава 34	75
Глава 35	77
Глава 36	79
Глава 37	81
Глава 38	83
Глава 39	85
Глава 40	87
Глава 41	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Арина Бугровская

На чужих кривых дорогах

Глава 1

Дорога длинная-длинная, вьётся, петляет среди полей и лугов, ныряет в овраги, прячется в лесных чащах.

А Ксения идёт и идёт по ней. Много лет.

Куда идёт? Никуда. Просто её жизнь такая – дорога. Просто её дом такой, вместо крыши – голубое высокое небо, вместо стен – зелёные просторы, вместо пола – мягкая пыль.

Далеко не всегда её дом такой уютный. Ох, не всегда.

Зато горницы в этом доме сменяют друг друга, и всё разные, никогда не повторяются.

Ксения свернула за кусты орешника. Где-то здесь должны быть красивые пригорки. Она помнит... Может, и не здесь, может, в другом похожем месте. Во множестве других мест.

Иногда Ксения теряется и путает свои остановки – слишком много их.

Но не теперь. Вот они, её зелёные холмики!

Девушка уселась на мягкую траву, потом легла. Любопытные ромашки тут же с интересом заглянули ей в лицо. Тоже, наверное, узнали. Тоже скучали. Год почти не виделись. Теперь вместе побудут немного и попрощаются до следующего лета.

В этих местах Ксения будет проходить ещё осенью, зимой. Ксения будет, а ромашки уже нет. Может, и Ксени не будет...

Вчера такая тоска навалилась. Заплутала в лесу, вышла к озеру. Вода тёмная-тёмная. Камень холодный на берегу.

А вокруг застыли ели. Мрачные, укрывающие её от мира. Никого не пропустят к ней. И её не выпустят.

Она села на камень, сжалась вся, задумалась, глядит на чёрную поверхность.

Зачем она?

Что поменяется в мире, если по пыльным дорогам не будут ступать её уставшие босые ноги?

Может хватит уже идти? Может, дошла?

А тяжёлые воды согласно колышутся, зовут к себе, обещают навсегда укрыть от зимней лютой стужи, от бесконечных осенних дождей, от диких зверей, от чужих злых собак, от людских насмешек, от одиночества.

Сколько помнит себя Ксения, всегда одна.

Только самое раннее воспоминание – глаза. Добрые, красивые, любящие. Они с ней. Они рядом. Догадывается Ксения, что раньше была с кем-то.

Но глаза так быстро исчезают, что Ксения не успевает в них взглянуться. Не успевает понять – чьи они. Только чувствует, что женские. Может, мамыны?

А потом сколько ни силится вспомнить, заглянуть в прошлое – не получается. Нет обратной дороги. Туда нет.

Может, вода откроет ей эту тайну? Может, она укажет путь к этим глазам?

Смотрит Ксения в озеро. Глубокое, мрачное, тихое. Много тайн прячет на своём дне...

Но тут над головой защебетало. Ксения даже чуть вздрогнула. Совсем тишина её околдовала. Оглянулась. Ласточки. Сидят на тонких ветках, прямо над её головой и чирикают, заливаются.

Очнулась Ксения. Что это она? Ведь теперь лето. Сколько она его ждала? Сколько плакала о нём? Дни считала. Зарывшись в чужом стогу, посреди белого поля, слушала зимнюю холодную песню, закрывала глаза и представляла его... лето.

Прочь... Встала с камня, повернула от озера.

«Расступитесь глухие ели».

А ели не хотят отпустить, ветками цепляются, перекрывают путь.

И жутко вдруг стало Ксени. Побежала она напролом сквозь заросли, раня на бегу босые ноги.

И страшно ей было оглянуться, она и не оборачивалась долго-долго, пока не выбралась из леса. И снова увидела дорогу. Пыльную, петляющую, свою. И опустила израненные ступни в прохладную исцеляющую пыль, дальше пошла.

Уважаемый читатель, глава написана по мотивам картины В.М.Васнецова «Алёнушка». Если вы читали историю её создания, то знаете, что первоначально художник описывал вовсе не сказочную героиню.

Глава 2

- Маня?.. - бабка осторожно то ли спросила, то ли позвала в спину, в густые струящиеся длинные волосы.

Спина не дрогнула, но бабка Нюра к этому уже почти привыкла.

- Тот раз она на «Ольге» дёрнулась, - подсказал взлохмаченный мальчишка в дырявой рубахе. Он сидел у небольшого костра. Временами поглядывал на красивую, чуть искрящуюся оранжевыми бликами, светлую волну, по которой бабка Нюра водила деревянным редкозубым гребешком.

- Ольга?.. – послушалась бабка и позвала по-другому.

И опять никакой реакции. Не дёрнулась спина. Мальчик разочарованно отвернулся.

- А тогда, кажется, откликнулась... - но теперь в его голосе не было уверенности.

- Ну пусть будет Ольга, - вздохнула бабка. – Надо же её как-то звать. Ну-ка, милая, обернись.

Девушка послушно повернулась лицом к Нюре. Митька вновь поднял глаза и тут же смущённо отвёл их. Красота девушки словно ударяла в сердце невидимым мягким кулаком. На мгновение становилось и очень приятно, и немного болезненно.

Приятно оттого, что редко увидишь такое лицо. Светлое, чистое, нежное.

А неприятно... Сразу и не разберёшься в причинах. Митька в них особо и не разбирался. Просто чувствовал, что не должна быть такая девица в их компании, и всё тут.

Их компания – это он и бабка. Ходят по белому свету никому не нужные.

Бабку помещик отпустил на волю, когда она постарела да заболела. А невестка выгнала из дома, когда сын был на отходничестве в далёкой Московской губернии.

Правда, бабка не сильно налегала с обидой на невестку, рассказывала потом Митьке, что почти сама ушла.

У невестки и так характер был нелёгкий, а как настало время ещё и за свекровью ухаживать, так и вовсе озлилась. Дошло до того, что горшком швырнула, когда щи бабке несла. Хотела покормить, да злоба под руку толкнула, так бабку и окатила горячей капустой.

Бабка тогда ничего не сказала. А ночью, когда затихли в сонной избе внуки, да перестала вертеться на лежанке невестка, встала тихо со своего сундука, открыла скрипучую дверь и шагнула за порог.

Раз шагнула, второй... А потом и пошла куда глаза глядят.

То ли сама пошла, то ли болезнь погнала.

Думала – недолго осталось на этом свете мыкаться. А болезнь и морок рассыпались по дороге, и жизнь вернулась в старое тело. Теперь вот живёт.

Когда опомнилась, ужаснулась от того, что натворила. За внучку Агапку переживала. Та, наверное, наревелась, когда с утра бабку на сундуке не обнаружила. У Агапки жалостливое сердечко. А что сын подумал, когда вернулся? Ещё поспорятся из-за неё.

Но не повернула к дому. Кто знает, когда силы закончатся, и болезнь вернётся? А так... Попереживали, погоревали и забыли. Зачем же теперь докучать?

А у Митьки другая история. Он, конечно, сам виноват. Недоглядел за щенком, тот и подавился косточкой. Нет, ничего со щенком не случилось, обошлось всё. Но своего уха Митька за это чуть не лишился. Барин так его крутнул, рванул и приподнял, что внутри потекла горячая волна и что-то страшно затрещало. Тогда Митька вырвался, рискуя совсем оставить ухо в руках у хозяина, и умчался в лес.

Вернуться в поместье не рискнул. Ухо-то и впрямь надорвалось и оглохло. Крови вытекло – у человека и не бывает столько крови – так казалось перепуганному пацану. Бродил несколько

дней от одного стога к другому, пока не смог вылезти из последнего – мир крутился, пульсировал и обливал горячим теперь уже не только ухо, но и всего Митьку, с головы до ног.

Там бы и остался навсегда, если бы не бабка Нюра. Её в тот стог тоже неведомая дорожка привела. В нём и углядела Митьку. Не пошла искать помощь, и добрых людей не стала звать, поняла, что от них же и зарылся в соломе Митька с рваным ухом, сама ухаживала, решив, что, как его судьба дальше распорядится, так тому и быть.

Судьба на этот раз была благосклонна, и когда через пару недель Митька открыл глаза, в них светился хмурый интерес.

- Вернулся, значит... - горестно покачала головой Нюра. Первая радость схлынула, на её место пришла тревога – что дальше?

- Куда вернулся?

- Сюда... С того света в этот, - пояснила бабка.

Так и пошли дальше по этому свету уже вдвоём.

А потом встретили девицу. Привычное – «девка» к ней совсем не подходило и не держалось. Так и стали звать – девица, попутно пытаясь угадать имя. Сама она была неговорящая.

Она не только молчала. Видели бабка с Митей и немых, и всяких – кого только по пыльным дорогам не носило и рядом с ними, и навстречу, и наперерез. Девица была... как не от мира сего.

Дурочка? Как не страшились назвать такую красоту таким недобрым словом, но страшишься – не страшишься, а назвать надо. Потому что оно самое подходящее.

Моргала своими прекрасными глазами. Чуть-чуть улыбалась пухлым ртом и всё.

Нет, ещё была послушной, выполняла всё, что говорила ей бабка. Потом и Митьку стала слушаться. Всё понимала. Только к этому свету была слишком уж равнодушной.

Не напомнишь ей, что надо поесть, и не сунешь сухарь в руку, она так и будет весь день улыбаться голодная. А захочет пить, или ещё по какой нужде, так заплачет тихо и так беспомощно, что Митька не раз отворачивался, скрывая заблестевшие глаза. Нехорошо, когда так плачут.

Нашли её Митька и бабка на опушке леса. Сидела девица на пеньке. В чистом сарафане. Спокойная. Словно поджидала кого-то.

Митька и бабка прошли мимо, поглядели мельком на неё, завернули в деревню. Там пробыли до вечера - случай подвернул работу для обоих. Не скоро пошли обратной дорогой через ту же опушку. А на том самом пеньке всё ещё сидела девица и чуть наклонив голову набок, всё так же улыбалась.

Митька уже и прошёл мимо, бросив хмурый взгляд на красавицу. Странно, конечно, но не его ума дело. А бабка остановилась.

Глава 3

- Молчи, курва. Молчи лучше!

У Дарьи Васильевны смешалось множество чувств – и ненависть к собственной дочери за то, что она подвергла и себя, и её огромному риску, и жалость к ней же, как ни крути – дочь, хоть и безмерно виноватая, а всё же своя кровинка, и страх, что не удастся справиться тайно, а тут ещё она кричит. Но разбираться в этих чувствах Дарье Васильевне было недосуг, поэтому она дала волю самому сильному из них - раздражению. Повернулась к повитухе:

- Сделай что-нибудь, чтобы она заткнулась.

- Сейчас, матушка.

Повитуха засуетилась и проворно завернула в тряпку какую-то палку. Затем ловко поймала момент, пока голова Анны металась из стороны в сторону, и вставила ей своё приспособление между зубов.

- Вот так, милая. Жми её. Кусай, тебе легче будет.

Но Анне легче, кажется, не становилось. Зато хоть кричать перестала.

Дарья Васильевна взгляделась в лицо дочери. Бледное, покрытое мелкими каплями пота. Нос заострился, под глазами тёмные круги. И впервые страх за её жизнь нашёл лазейку в сердце, подвинул в нём другие чувства и занял главное место. Но ненадолго.

В дверь бани постучали.

- Агафья, ты? – наклонилась Дарья Васильевна к деревянному косяку.

О том, что она здесь, знала лишь горничная. Остальных графиня позаботилась отправить куда подальше.

- Я, матушка, - послушался с другой стороны женский голос. – Вернулся Григорий Лукич. Вас спрашивают.

- Ах, чтоб тебя...

Дарья Васильевна закусила губу. В растерянности бросила взгляды по сторонам, как будто где-то может быть хоть какая-то соломинка, за которую ей можно ухватиться, чтобы не потонуть. Заодно и дочь не потопить.

Тряпки... Вода... Камни... Жар раскалённой печи... Деревянные лавки. Много свечей, от которых уже заболела голова. Она, повитуха и дочь. И если повезёт, а может, не повезёт, то в скором времени должен появиться ещё один человек. Собственно, из-за него они здесь собрались.

Но главное, чтобы Григорий Лукич здесь не появился, спохватилась Дарья Васильевна и поспешила к выходу.

- Фёкла, закрой за мной.

- Барыня, не беспокойтесь. Идите. Мы тут управимся.

Графиня бросила быстрый взгляд на дочь. Анна на самой широкой лавке крутилась от боли. Одеяло и простыни уже сбились на пол, и она металась на голых досках.

«Всё не так!» - ужаснулась Дарья Васильевна. И самым неправильным было то, что Георгий Лукич неожиданно вернулся домой.

Глава 4

- Девка! – повитуха ловко подхватила малышку и повернулась к столу. Окунула локоть в кадку с водой – нормально, склонилась над ребёнком.

Анна закрыла глаза. Всё? О-о-о.

Не заметила, как провалилась в блаженное небытие. Ненадолго.

- Отметина, барышня, - голос повитухи вырвал Анну из сонного плена. Открыла глаза, не понимая, о чём та.

- Говорю, цветок родимый на груди.

- Цветок? – Анна с трудом прошептала вопрос.

Какой цветок? Разве бывают цветы среди зимы? Говорят, в царской оранжерее есть. А в бане откуда им взяться?

- А во, поглядите, - повитуха поднесла к Анне маленькое розовой тельце. Девочка была уже вымыта. Её животик часто поднимался и опускался от дыхания. А чуть выше, в том месте груди, где по мнению Анны, находилась всякая душа, красовалось золотистое пятнышко.

- Что это?

- А это на счастье. Счастливая, значит, будет, - повитуха прекрасно знала, как один и тот же факт можно повернуть по-разному. – Это раньше считалось плохим знаком, а теперь каждая дама рисует у себя на личике «мушку». А здесь уже всё нарисовано. Прямо, цветок.

Анна несколько мгновений послушно рассматривала отметину на теле ребёнка. Чуть отстранённо заметила сходство. И вправду, как цветок. С тремя лепестками. Один чуть длиннее и загибается в сторону.

А когда Фёкла унесла девочку, снова закрыла глаза. И снова провалилась в уютную темноту.

- Ну-ка, милая, возьми, - голос повитухи снова не дал надолго расслабиться, раздался, кажется, сразу же. Но это кажется. На самом деле малышка была уже укутана в лённую светлую ткань.

Анна испугалась. Её надо взять? Ей?

Фёкла терпеливо ждала, пока молодая родительница соберётся с духом.

Анна осторожно протянула руки, взяла живой тёплый свёрток, вгляделась в лицо.

Глазки опухшие, словно тоже страдала, словно тоже плакала. Теперь закрыты. Носик...

Такой чистый, вздёрнутый вверх... Губки. Маленькие, шлёпают.

Волна нежности, любви и счастья окутала Анну.

Это её? Этот чистый, новый, ясный человечек – её?

В дверь бани постучали. И тут же раздался голос Дарьи Васильевны:

- Фёкла, открой.

- Сейчас, барыня.

Но повитуха внезапно замерла. Острая догадка ужалила. Кажется, она совершила оплошность. Но разве в родовой суматохе подумаешь обо всём? Вот и она забыла, что неспроста барыня развела такую скрытность.

Она подошла к Анне.

- Давай я её возьму... А ты отдыхай.

Анна с сожалением выпустила из рук дитя.

И когда девочка лежала одна около кадки с мутной водой, Фёкла открыла дверь.

- Живая? – Дарья Васильевна круглыми от ужаса глазами впилась дочь. И тут же напряжение спало. Живая.

- А как же иначе? – встрепенулась виноватая повитуха. – Всё хорошо. К вечеру уже сможет помаленьку садиться.

- А вставать? Надо сейчас идти в дом.

Анна со страхом поглядела на мать. Сейчас? Она не сможет. Но та уже занялась другими делами.

- А этот? – обернулась к Фёкле.

- Девка. Тоже живая. Здоровая. Красивая.

Но Дарью Васильевну эта новость, похоже, не очень порадовала. На внучку её любовь не распространилась. А забота была. Она подошла к девочке и, не всматриваясь в неё, завернула в шубу, которая лежала для этого часа в углу. Молча повернулась к двери и вышла.

- Матушка, вы куда? – голос Анны был совсем без сил, но в нём явно звучал и страх, и боль неясной догадки, и тоскливая беспомощность.

Но Дарья Васильевна не расслышала. Дверь за ней с другой стороны кто-то закрыл.

Глава 5

- Ба, сейчас вот такая щука ушла, - Митька вывалил из старой рубахи улов прямо в траву, раскинул с размахом руки в стороны, потом немного вернул их ближе друг к другу.

- Экая неудача, - покачала головой Нюра, усаживаясь перед рыбой. – Но ничего, нам и этой хватит. Плотва, кажись.

- Ага, плотва. А вот два окуня.

- Ну, значит, точно хватит. Вода уже закипает. Митька, брось чуток соли. Во, в этом узелке возьми. Только немного. Эта последняя.

Бабка вынула из котомки нож с таким тонким, узким и неровным лезвием, что было понятно, оно стачивалось несколько десятилетий, если не больше. Бабка нашла его на лесной дороге, долго вертела в руках. То ли какой-нибудь грибник потерял, то ли привередливый хозяин посчитал, что закончился его век и выбросил.

Но бабка решила, что не закончился. Теперь пусть им послужит.

- Что там делает... Ольга? Не видно отсюда, - бабка повертела головой. Но старческая шея, как тот нож, тоже служила своей хозяйке несколько десятилетий. Подрастеряла поворотливость.

Имя девицы произнеслось с трудом. Вот не Ольга она, бабка чувствовала, но пусть хоть так.

- Цветы какие-то собирает.

- Пускай собирает. Ты только гляди за ней, чтобы не ушла куда.

- Да она недалеко. На поляне. Я вижу, - Митька махнул рукой за бабкину спину.

- Во беда, - вздохнула по привычке Нюра. Митька понял о чём. И бабка тут же подтвердила его догадку. - Как так одному человеку дадено столько несравненной красоты, а ума – кот наплакал?

- А разве коты плачут?

- Не видала до сих годов.

Митька взгляделся в бабку, оценивая её возраст.

- А сколько тебе лет?

- Да я, честно говоря, не знаю. Считаю, что семьдесят. А как на самом деле – не ведаю. А тебе?

Митька поднял плечи до ушей.

- Мне никто не говорил.

Нюра прищурила глаз.

- Может, восемь?

- Наверное.

- Ну тогда прибавляй каждое лето по годку, вот и будешь знать.

- Ладно... Ба...

- Что?

- Сегодня опять урядников видел.

- В деревне?

- Ага. Так и шныряют...

- А тебе-то что? Пускай шныряют.

- А если это меня ищут? От хозяина всё же сбежал...

- Будут из-за тебя урядники беспокоиться, - махнула плотвой бабка.

- Ты думаешь, я им не нужен?

- Ну конечно. Это они ещё за кем-то охотятся.

Митька задумался.

- Надо бы завтра разведать. Послушать, что люди говорят.
Бабка привсталала, повернулась к Ольге. Сама помутнела лицом.

- Разведай...

Мальчик заглянул в котелок.

- Закипела уже.

- Ну беги, сполосни в ручье плотву да бросай в воду. Почистила уже. А я пойду кой-чего постираю.

Ночью Митька долго смотрел в небо. Там душа его мамки. Может быть, сейчас смотрит на него одной из звёзд. Только попробуй угадай, которой. Вон их сколько.

В раздражении потёр глаза кулаками – совсем забыл её лицо. Только глаза мелькают на короткое время. Серые, добрые. Он и не успевает их как следует разглядеть.

Захотелось плакать. Если так и дальше пойдёт, он и глаза забудет. И что тогда останется? Только звёзды в небе. И не понятно, какая из них мамка.

Митьке стало тревожно. А если бабка тоже помрёт? Семьдесят лет – это крепко много. Как он сам будет на свете? Да ещё и с Ольгой-дурочкой.

И слёзы побежали по щекам. И губы зашептали молитву-просьбу.

Глава 6

С утра Митька с бабкой недолго совещались. Решили пока остаться здесь, недалеко от села, в котором накануне Митька видел урядников. Надо всё-таки разведать, кого они ищут. После ночных раздумий мальчик тоже беспокоился об Ольге.

Потому что, даже на Митькин неприхотливый взгляд, странностей вокруг девицы было слишком много.

Она не нищенка. Сидела тогда на пеньке в новом синем сарафане, с ленточкой в туги и аккуратно сплетённой косе, в новых лаптях.

Словно кто-то за ней смотрел, отошёл и не вернулся.

Они с бабкой долго ждали. Весь вечер, всю ночь и весь следующий день. Но за девицей так и не явились.

Пришлось её взять с собой. А что делать? Не на пеньке же оставлять? Хотя головы поломали изрядно, пытаясь понять откуда она. Походили по окрестным деревням. Но девку показали только в первой. Потому что на такую красоту сразу нашлись охотники. Бабка тогда еле отбилась от мужских охальных насмешек.

Потом уже, в дорогу, стали переодевать девицу в лохмотья, правда, чистые. Нюра не любила грязь. Лицо Ольге вымазывали углями из остывшего кострища. И до бровей укутывали в дырявый платок. И после таких манипуляций Ольга и впрямь становилась дурочкой. Зато теперь никто не обращал на неё внимания. Таких дурочек на дорогах хватало.

Когда Ольга увидела своё новое отражение в лесном озере, дёрнулась, потом заплакала. С тех пор и Митька, и бабка старались не подпускать её в таком виде к воде. А на ночь, когда отходили подальше от чужих деревень и останавливались около реки или озера, бабка вначале снимала платок, умывала девицу из котелка, а потом подводила к воде, показывала той, что она всё ещё есть.

С собой у Ольги был узелок. Стоял около пня. Бабка и Митька заглянули в него. Но содержимое ничем не помогло. Документов не было. А была запасная одежда да платочек маленький, кружевной, барский, с красными буквами в углу. Но в буквах ни Митька, ни бабка не разбирались. А в том платочке были завёрнуты серьги с камнями самоцветными да колечко.

И вот теперь урядники забеспокоили. Конечно, если девицу ищут добрые люди, то помочь отыскать надо. А если недобрые? А вдруг за серьги эти начнут с девицы спрашивать? А какой с неё спрос?

Митька побежал в деревню.

- Осторожней там, - напутствовала бабка в дорогу. – Близко никого не подпускай. Если что – ноги в руки, и чтоб тебя как ветром сдуло. Гляди, чтобы не окружили. Всегда оставляй место, куда бежать.

Бабке страшно было Митьку отпускать одного. Всюду мерещились опасности.

В деревне Митька почти сразу увидел, как двое урядников вели по пыльной улице калику. Это был нищеврод Грызля. Приходилось встречаться на дорогах.

Митька, держась приличного расстояния, последовал за ними.

Грызлю ввели в избу.

«Колодничья», - догадался Митька и огляделся.

Изба была окружена высоким забором. У калитки сидел караульщик. Митька побежал вокруг забора, надеясь отыскать подходящую щель. Нашёл. Колик в углу болтался на верхнем гвозде, открывая узкую щель, как раз такую, в которую может протиснуться тощая Митькина фигура. Мальчик и нырнул в неё, замирая от страха.

В избе часть окон была заколочена. За ними держали заключённых, догадался Митька. Другие окна были распахнуты.

Мальчик глянул в сторону караульщика. Тот стоял спиной. Митька прошмыгнул к открытому окну. Из помещения доносился густой мужской голос. Митька уселся на завалинке, наострил уши.

- Ваше благородие, да какая девка? Никого не видел. Я же того... - последние слова прозвучали настолько неуверенно, что даже Митька криво усмехнулся.

Ну да. Грызля такой же слепой, как и он. Митька видел, как он со своими калунами, водку пил в овраге. Они с бабкой Нюрой как раз мимо проходили. Матюкались на всю округу. Митька даже дрогнул слегка. Да и бабка ускорила шаг. Все зрячие были. Вслед им ещё что-то буркнули. А по деревням ходят с поводырём да с косыми и закрытыми глазами.

- Ты эти басни оставь для дураков, какие тебе гроши подают, - не поверил Грызле и урядник, чем-то грюкнул в избе.

- Так я говорю, что этих девок пруд пруди. Не пойму, какая заинтересовала ваше благородие, - быстро сориентировался Грызля.

- Ты не хочешь пару месяцев в остроге посидеть? Подумать?

- Ну была девка. Прибилась.

- Опиши.

- Как это?

- Сколько лет?
 - Так откуда мне знать?
 - Михайлов, в острог его. Я ещё буду с ним...
 - Лет семь... Может, восемь.
 - Волос?
 - Белый. Длинный, как у девок обыкновенно бывает.
 - Зовут?
 - Называлась Марусей.
 - С собой что у неё было?
 - Да, кажись, ничего...
 - Где она теперь?
 - Откуда мне знать? Отбилась.
 - Михайлов...
 - Дырявая к себе забрала.
 - Продал, что ли?
 - Скажете то же, ваше благородие! Прямо, продал! Рупь всего взял за хлеб-соль, что на девку потратил.
 - Где Дырявая?
 - Вчера здесь была. В селе. Собиралась в город.
 - Михайлов, запри его.
 - Да за что?
 - На недельку.
- В избе затихли разговоры.
- «Не наша, - понял Митька. – Эта маленькая. Почти как я. Интересно, что она натворила?»
- Поедем, Михайлов, - голос урядника раздался неожиданно и почти над самым ухом.
- «К окну подошёл!» - догадался Митька и вжался в стену.
- За Дырявой? Думаешь, эта та девка?
 - Всё сходится. Та, конечно.
 - Может, нас ещё наградят? Как считаешь? За то, что мы быстро справились? Раз сам генерал-фельдмаршал изволит беспокоиться.
 - Губу закатай. Поехали.
 - А может, сначала пообедаем? А то когда теперь придётся?
 - Ну давай. Со вчерашнего дня в брюхе пусто, - голоса стали удаляться.
- Митька оторвался от стены, оглянулся – никого и прошмыгнул в свою щель.
- За забором остановился в раздумье. Что-то мешало бежать с новостями к бабке.
- Может то, что Дырявая – это такая отвратительная баба, что Митьку от неё всегда воротило. А тут ещё и случай на днях был...
- Однажды он, бабка и Ольга отдыхали на обочине. Бабка побежала в лесок поглядеть грибов. Мимо шла Дырявая, села рядом. Заговорила о том, о сём, а сама полезла к Ольге под дырявый платок.
- Митька тогда забеспокоился, но отогнать взрослую бабу не хватило смелости. А она стала шупать лицо Ольги, стирать угольную краску. И всё что-то болтала, болтала.
- Митька не выдержал, схватил Ольгу за руку, потянул от Дырявой.
- С тех пор Митька с бабкой старались обходить эту нищобродку по широкой дуге.
- А теперь мальчик, поколебавшись, повернул в другую сторону и от леса, и от бабки.

Глава 7

- Василий!

- Александр! Вернулся? Совсем? Или как?

- Совсем. Закончилась моя учёба.

- Слышал... Такое наследство!

- Да. И наверное, пришло время вернуть всё, что я тебе задолжал. А сумма, думаю, наскреблась немалая.

Но Василий нахмурился.

- О чём ты? Какие долги между нами?

Александр взглянул в помрачневшие глаза друга, в которых уже засветились злые огоньки, усмехнулся. Василий всё тот же.

- Понял. Забудь. Но теперь и моё портмоне открыто для тебя.

- Насколько я помню, оно и раньше было открыто.

- Может быть, но только раньше в нём всё больше зияли дыры.

- Ай, о чём ты? – махнул Василий рукой. – Как же я рад, что ты, наконец, забросил заграничные науки.

- Скажу откровенно, они мне и не были особо нужны.

- Помню... Ты говорил... Дедова прихоть.

- Да. Он был известным сторонником реформ и образования. Теперь был...

- Помню, с какой тоской ты уезжал. Но сдаётся мне, что дело было вовсе не в загранице, а в голубых глазах хорошенькой дочери графа.

Но тут Василий, словно вспомнил что-то, неловко замолчал.

Александр снова взглянул в лицо друга. Не решился задать следующий вопрос, ответ на который уже выискивал в выражении глаз. Василий отвёл взгляд.

- Пойдём же в мой кабинет. Выпьем чаю. Или, может, вина?

В кабинете долго присматривались друг к другу, отмечали изменения и готовились к серьёзному разговору. Начал Александр.

- Я ведь с дороги сразу к тебе. Что нового? Как... Анна?

- Ты не знаешь?

- Не знаю что? – на душе стало муторно.

- Я тебе не писал.

- Да. Ты мне про неё ничего не писал. И она не писала. Думаю, моими письмами мамаша с удовольствием печку разжигала.

- Болела Анна всю зиму. Никуда не выходила.

- Болела... А теперь?

- Выздоровела. Похудевшая, правда... Бледная. Но не в этом дело.

- Да в чём? Не тяни...

- Замуж выходит...

Повисло молчание. Александр побледнел.

- За господина Усанова...

- За Усанова? Того самого? А впрочем, какая... Он ещё жив? Мерзкий старикашка... Это всё мамаша... Анна... Я убью его...

- У этого мерзкого старикашки огромное состояние. Вот и весь секрет его успеха в сердечных делах. Но теперь и у тебя, говорят, состояние не меньше. Мамаша чуть-чуть поспешила.

- Сомневаюсь, что даже деньги смогли бы заставить Дарью Васильевну взглянуть на меня более благосклонно. И Георгия Лукича, если уж на то пошло.

- Ты недооцениваешь силу капитала. А впрочем, сегодня сможешь в этом убедиться.

- О чём ты?
- Об ассамблеи у князей Ануфремовых. Будет весь свет.
- У меня нет приглашения.
- Ты, наверное, просто ещё не смотрел утреннюю почту.
- Откуда им знать, что я вернулся?
- Дорогой мой, да о тебе вся столица гудит. Самый завидный жених с тех пор, как твой дедушка назначил тебя главным наследником. За дедушку!

Глава 8

Дорога в город Митьке была незнакома, но её направление он знал. Туда они с бабкой шли, влекомые случайными попутчиками, переходжими каликами, - Грызлей с его компанией фальшивых слепцов и Дырявой с девками.

Те направлялись в город за какой-то надобностью, вот и они с Нюрой решили тоже своё счастье там попытать. А что им ещё делать? Так, перекасти-поле безродное. Нет такого места, где можно было бы остановиться, корешки какие-никакие пустить. Может, в городе приживутся?

Этих попутчиков они с Нюрой и Ольгой временами обгоняли, если те задерживались по своим непонятным делам. Иногда отставали от них, когда Митьке и бабке подворачивалась работа за грошик или сухарики, но несколько дней кряду держались неподалёку друг от друга.

Нельзя сказать, что познакомились, но рассмотреть друг друга успели, да и словом иногда перекидывались.

Дырявая шла с двумя малолетними глазастыми девками. Значит, уже с тремя, сообразил Митька. Ведь, если верить Грызле, он накануне передал ей ещё и Марусю. Саму девочку у слепцов он заметил мельком, прибилась она к ним в последние дни. Как-то встретились глазами... И всё.

И вот теперь Митька бежал по дороге, чтобы эту девочку отобрать.

Зачем?

Митька и сам не знал.

Просто... у него хоть бабка есть. А у той – никого. А каково это быть одному, он испытал на себе. Пропадал недавно в стогу с рваным ухом.

Вот теперь и бежал по пыльной дороге.

«Наверное, взяла что-то без разрешения у этого генерала», - вспоминал подробности услышанного разговора. - Украла... - с неохотой признал он. – И видать, что-то ценное, раз генерал урядников следом послал. Вот дурка...».

Сам Митька никогда не крал. Да и бабка учила, что вор, рано или поздно, будет в кандалах на каторге, потому что дорога его такая. Хочешь – не хочешь, а туда придёшь. И Марусю надо с этой дороги увести, раз она забрела на неё.

Хотя, когда Митька вспоминал чистые глаза девчонки, как-то не верилось, что она могла взять чужое. Может, этот генерал сам потерял, а теперь на других думает.

Впереди запестрели платки.

Мальчик не знал, для чего Маруся нужна Дырявой, но вспоминая её цепкие пальцы, которыми она прощупывала Ольгу, её хитрые глазки, понимал, что просто так она девчонку не отдаст. Тем более, если заплатила за неё рубль.

Митька оглянулся. Урядников пока не видать, а мешкать всё равно не следует.

Но теперь луг. Дырявая и три невысокие фигурки бредут между трав и цветов. А впереди лес. Там он и попробует что-нибудь сделать.

Митька рванул по широкой дуге к густым зарослям. Будет лучше, если он подождёт их там.

Но не особо рассчитал расстояние и свою силу. Не успел отдышаться и выглянуть из-за широкого ствола, за которым устроил засаду, как послышался разговор.

- Будете конфеты есть, хоть каждый день. Ели когда-нибудь? Ну во, попробуете. Ленточки красные вам подарят, - голос Дырявой был таким противно-елейным, что Митька поморщился.

«Неужто верят?»

- Стой, - позади девок послышался шум колёс и топот лошадиных копыт.

«Урядники», - Митька прижался к дереву.

- Стой, тебе говорят.

Дырявая и девки отошли на обочину. Бричка остановилась. Митька понял, что пора действовать, и заторопился обойти её сзади.

- Далеко ли собралась, милая?

- Да как?.. Идём своей дорожкой... Грамота вона, сейчас... - засуетилась Дырявая.

А Митька, частично скрывааемый бричкой, слегка присвистнул, стараясь привлечь внимание. Привлёк. Три девки, как по команде, обернулись к нему.

Но три ему не нужны. Он посмотрел на Марусю. А потом слегка махнул рукой, призывая подойти.

Та серьёзно и, как показалось встревоженному Митьке, долго смотрела на него, а потом шагнула.

- Стой. Ты куда? – сиганул с брички урядник.

Но Митька уже схватил девочку за руку:

- Бежим!

И они рванули через кусты.

Митька с облегчением понял, что Марусю не надо тянуть и уговаривать. Видимо, рассказ Дырявой о конфетах и красных лентах её тоже не впечатлил. Они бежали сквозь зелёные кусты, уже не держась за руки, но рядом. А сзади трещали сучья под ногами преследователей. И издали доносился вопль Дырявой.

Глава 9

Гул множества голосов усиливался, пока Александр поднимался по широкой лестнице, ведущей в бальный зал. В другое время его переполняла бы радость от встречи с друзьями и знакомыми после почти годичной разлуки. Но теперь все знакомые и незнакомцы казались досадной преградой между ним и Анной. Сколько рук нужно пожать, сколько поклонов сделать, сколько тонких и не очень пальчиков перецеловать, прежде чем он доберётся до той, о которой изболелась его душа?

Простила? Почему расторгла их помолвку? Зачем нарушила обещание?

Ах, он только увидит её, только заглянет в глаза...

Он всё поймёт...

Она всё поймёт. Поймёт, что он любит её по-прежнему.

Никакой Усанов не сможет стать помехой. Кто он, этот скользкий старикашка? Сколько жён уже пережил? Столько детей и внуков вырастил, что порядочная их доля гораздо старше Анны. И он смеет помыслить ещё и ею завладеть? Девушкой, чья юность и красота создана для счастья.

Не могла Анна полюбить старого брюзгу.

Это всё Дарья Васильевна хлопчет над устройством судьбы дочери. Чтобы уж наверняка та не ведала стеснённых обстоятельств. А заодно и счастья. Александр мрачно усмехнулся.

Будь избранником Анны молодой, порядочный, достойный человек, он бы смирился. Сжал бы зубы, закрыл глаза, уехал бы на край света, чтобы не видеть, но смирился бы... А впрочем... Нет! Нет.

Нет...

В последнюю их встречу он обидел её, конечно.

И, как всегда, при воспоминании о том вечере, блаженная волна окутала его внутренним жаром, вырвалась на щёки лёгким румянцем. Но не от стыда покраснел Александр, хотя и был виноват.

Деревенские поместья деда, в чьё наследство он теперь вступал, и отца Анны находились в одном уезде. Близкое соседство заставило Дарью Васильевну спрятать неприязнь за вежливыми улыбками, ведь встречаться приходилось часто. А однажды так случилось, что на именины деда Дарья Васильевна не смогла приехать – занемогла. Прибыл Григорий Лукич с дочерьми.

И пока старшая сестра щебетала с подругами, пока Григорий Лукич с хозяином дома и другими пожилыми мужчинами обсуждали политическую обстановку в стране и мире, пока молодые люди пытались понять, о чём щебечут их хорошенькие подруги, Александр с Анной сбежали ото всех.

Был уже поздний вечер. Александр вёл Анну по тёмным коридорам в свою комнату.

Конечно, он не должен был этого делать. Он просто хотел передать ей давно обещанную книгу Даниэля Дефо.

Это потом в неосвещённой комнате не важна стала книга. Это потом он захотел провести пальцами по нежной, едва заметной в полутьме, щеке девушки. Это потом ему захотелось наклониться к её пухлым чуть приоткрытым губам. Это потом он потерял голову.

Глава 10

Разыскать, рассмотреть Анну среди множества женских фигур было сложно. Девушки в нежно-лиловых, розовых, голубых воздушных платьях, казались Александру почти одинаковыми живыми куклами. Он продвигался по залу, вглядывался в лица, а его на каждом шагу узнавали, здоровались, приглашали на обеды и ужины.

- Александр Андреевич, дорогой, что же вы мимо? Сколько времени прошло? Вы теперь из Европы? А мы только туда собираемся.

Княгиня Ганджинская вцепилась в руку мёртвой хваткой. Всё, теперь от неё так просто будет не уйти. Александр учтиво наклонился к надушенной руке в белой перчатке.

- Без вас было невесело... - Ганджинская блеснула лукавым взглядом. – Некоторые просто увянуть успели.

Александр нахмурился. О чём она? О ком? Их помолвка с Анной была тайной. Они поклялись друг другу в верности навеки, но никто больше этого не знал. Разве что Василий. Могла ли Анна рассказать? Вряд ли. Дарья Васильевна никогда бы не разрешила дочери поглядеть в его сторону, пока он был без денег, поэтому от родственников Анны помолвку скрывали в первую очередь.

Александр взглянул в лицо княгини, ожидая объяснений, но тут оркестр заиграл музыкальное вступление к полонезу, и толпа хлынула к стенам, освобождая пространство.

Александр с облегчением позволил Ганджинской отхлынуть от него. Ему были неприятны её намёки. Он сам разберётся.

- Руку дамам, господа, и следуйте за мной! – раздался голос князя Ануфремова, и хозяин дома вышел в центр с красивой незнакомой женщиной.

Начался полонез.

Александр, стоя у стены, вглядывался в присутствующих. Теперь можно спокойно поискать Анну. Василий уверял, что она должна быть здесь.

Сам же Василий опаздывал. Участие в полонезе должно быть обязательным, поэтому многие, кто не хотел танцевать, предпочитали являться на бал после окончания этого танца.

Дарья Васильевна... Сердце дрогнуло, когда Александр узнал полную женщину, сидящую на стуле у противоположной стены. Кажется, глянула на него. Отвернулась. Вернула взгляд, кивнула, растянула губы.

Рядом Катя – старшая дочь. Тоже смотрит, улыбается. Где же Анна?

Александр пошёл к ним. Что ж, пора возобновить знакомство. Может, в новом статусе ему будут больше рады? Не очень верится, но ведь улыбаются.

И только подходя ближе стал догадываться. Смутно... Неясно. Испуганно.

Сидящая рядом с Дарьей Васильевной худенькая, бледная, какая-то несчастная девушка... Это Анна?

Анна.

Подошёл. Замер, как истукан. Потом опомнился, стал здороваться с мамашей. Она кивнула весьма учтиво. Катя что-то защебетала всё про ту же за границу. А он протянул руку своей любимой девушке:

- Разрешите вас пригласить.

На секунду ему показалось, что Анна откажет. Глянула мрачно, безжизненно, словно...

Ганджинская намекнула на увядание. Нет. Всё гораздо хуже. Казалось, что Анна перестала жить.

Но полонез нужно танцевать. Таковы правила.

Постепенно всё новые пары отрывались от стен и присоединялись к хозяину дома. И Анна протянула свою руку. Равнодушно. Словно её сердце превратилось в кусок льда. Словно она его не узнала. Словно теперь он для неё чужой.

- Анна... - Александр в танце легко касался тонких пальцев, наслаждаясь этой близостью.

- Я... очень скучал...

Равнодушный взгляд скользнул в сторону.

- Скажите же мне слово...

- Погода чудесная, - слова прозвучали, словно шелест сухих осенних листьев.

- Что изменилось за это время? Скажите, не мучайте меня. Я всё тот же... Я всё так же вас...

- Изменилось, - перебила Анна. - Всё. И, господин Таруханов, пожалуйста, оставьте меня. Навсегда. Я помолвлена. Выхожу замуж.

Такого Александр не ожидал. Никак.

Он продолжал вести тонкую девушку в танце, краем глаза наблюдая за первой парой. Движения должны повторяться. Иначе несовпадения вызовут нездоровый интерес и насмешки со стороны всех тех, кто сегодня так радостно его приветствовал.

А в это время в его сердце змеюкой вползала тоска, не давая свободно дышать.

Что происходит?

Он попытался найти ответ в глазах девушки. Но там была пустота.

Глава 11

- А я уже места себе не нахожу! - подскочила бабка, как только затрещали сучья под ногами Митьки, и он показался на поляне. Осеклась. Увидела девочку.

- Ба, это Маруся. Помнишь, с Грызлей в последний день шла?

- Какая Маруся?

- Ба, это её урядники искали, а не нашу Ольгу.

Маруся перепуганно смотрела на Ньюру, и та опомнилась:

- Детонька... Да что ж я?.. Во сюда садись. Сейчас полдневать будем. Митька садись тоже, заморился, небось. Как с утра ушёл, так и пропал, а я все глаза высмотрела. Хотела уже вместе с Ольгой за тобой иттить, да побоялась, что расстренемся. А чего же урядники за дитёнком гоняются? Или ты потерялась?

Бабка наконец замолчала и дала слово другим. Но Маруся в ответ лишь похлопала огромными глазами.

- Да она не знает, - пожал плечами Митька. – Я уже спрашивал.

- Как это не знает? А ты откуда знаешь?

- Так мы только что от них убежали.

- От кого? От урядников? – Ньюра в изумлении всплеснула руками.

Митька всё рассказал. Бабка долго молчала, переводя задумчивый взгляд с Митьки на Марусю. И обратно. Спросила тихо:

- Так, может, урядники сюда сейчас прибегут?

- Не-е. У них повозка, они тут не проедут. И потом, мы с Марусей сначала убежали в другую сторону. Это уже после сюда повернули.

Бабка горестно покачала головой. Потом спохватилась.

- Ольга... Ольга, иди сюда. Садись. На тебе сухарик. И ушица поспела. Сейчас налью...

Нюре хотелось плакать. Как им теперь дальше быть? И спросить не у кого. Она старшая, ей решать. Бабка спрятала от детей заблестевшие глаза. Потом отвлеклась, стала разливать уху в глиняные мелкие чашки. Потом вздохнула и успокоилась. Как-нибудь...

А потом неожиданно для себя всё же спросила у Митьки:

- Как нам дальше?

Может, он и хотел снова пожать плечами. Но уловил невесёлый бабкин взгляд, сдержался. А потом сказал несмело:

- Так вчетвером веселей.

Ага. Обхохочешься, подумала Ньюра, но взглянув на свою компанию, не выдержала, усмехнулась.

- Конечно, веселей.

Красавица Ольга задумчиво смотрит в никуда, елозит деревянной ложкой по чашке, улыбается чему-то. Светлые глаза искрятся – до чего хороша.

- Ложкой, ложкой черпай. Заедай сухариком...

Митька. Хмурый, серьёзный, храбрый. Этот ни за что не сдастся, будет тянуть всех. Потому что нет у него семьи, а семейного внутри много.

- Ну чего ты не ешь? Бери сухарь, у нас ещё остались. Много... Всем хватит...

Маруся. Глаза ясные, чистые. Ничего она не крала, бабка в этом, как и Митька чуть ранее, не засомневалась. А вот в историю нехорошую, кажется, влипла.

- Кушай, деточка, не стесняйся...

Налила и себе пожиже. Она старая. Ей много не надо.

- Ладно... Разберёмся как-нибудь, - снова вздохнула бабка, но уже не так тяжело.

Маруся что-то зашептала Митьке на ухо.

- Да ты так говори, - нахмурился Митька, потом повернулся к бабке, - спрашивает про Ольгу, чего, мол, молчит всё время?

- А мы, детонька, и сами не ведаем. Мы ведь только недавно встретились. Про себя сейчас тебе всё расскажу. Митька про себя расскажет. А потом и ты не умолчи. Только от Ольги не дождёмся. Такая она у нас. Только вот что... - голос дрогнул.

Митька вскинул голову от ухи:

- Что?

Бабка прищурила глаз.

- Если мы не хотим урядникам попасться, тогда надо отсюда уходить.

- Куда?

Бабка задумалась.

- Подальше от дорог. От деревни этой.

- В лес, что ли?

- Да! Точно. Придётся идти в ту сторону. Может, выйдем куда... подальше. А там видно будет.

К вечеру уставшие путники никуда не вышли. Всё также вокруг зеленел лес, только случайные дороги давно уже их путь не пересекали, да люди перестали встречаться.

И когда впереди заблестело в закатном свете лесное озеро, рухнули, не сговариваясь у крайних кустов.

- Здесь ночевать будем? – поглядел Митька на бабку.

- Здесь. Давай огниво. Да сиди ты. Я сама...

Но Митька начал вытаскивать из-за пазухи припасённые по дороге мох и сухую траву. Через минуту яркие языки пламени осветили неширокий круг. Лес тут же потемнел и придвинулся стеной. В озере плеснула рыба.

- Пойду, может, поймаю что-нибудь.

- Только в воду не лезь. Слышь, Мить? Кто знает, какая тут глубина.

- Не полезу.

Глава 12

Нюра нарезала еловых веток, Маруся перетаскала их к огню, уложила в несколько куч. Потом каждый выбрал себе место на этих кучах по душе. Уселись нешироким полукругом с одной стороны костра. Там, где за спинами застыли в неподвижности молоденькие ели – какая-никакая, а всё же стена.

Митька поймал несколько рыбёшек. И теперь выдавший лучшие времена чугунок аппетитно булькал в жарких углях. Вот, правда, соль почти вся вышла. Нюра высыпала последнюю, но этого мало.

Да и от сухарей осталось несколько почти каменных кусков, завернутых в чистую тряпку, да горсточка крошек, которые Нюра хранила на всякий случай.

Что ж, этот случай пришёл. Она сыпанула крошки прямо в уху. Так будет вкуснее.

Ольга с приходом темноты отвлеклась от цветочков и бабочек, уставилась на пламя. Нюра знала, что теперь так и будет сидеть, почти не мигая, до тех пор, пока её не уложишь спать.

Маруся приуныла. Сидит, нос свесила, тоже на огонь смотрит.

Митька приспособливает из подручных материалов новую удочку.

- Ну, Маруся, расскажи, не утай, какая дорожка тебя к нам привела и в этих местах с Митькой встречу назначила?

- Чего? – глянула перепуганно.

- Как ты к Грызле, говорю, попала?

Маруся пожала плечами.

- Я сначала шла одна, потом с тётями, потом с Грызлей.

- А откуда шла?

- От господ Чарудановых. Я у хозяйки служила, помогала горничной Дуне.

- А что потом случилось? Продали?

- Да нет... Потом...

Маруся нахмурилась. Не потому, что не хотела отвечать, а потому что и сама толком не понимала, что случилось той ночью, когда она видела свою хозяйку в последний раз.

- Меня... прогнали...

- Что же ты натворила?

- Мне кажется, что ничего. Но барыня толкнула меня в плечо... Крикнула, беги, Маруся, беги... И вытолкнула прямо в окно... А там высоко...

Митька бросил возиться со своей удочкой, посмотрел хмуро на девочку, пытаясь понять. Нюра тоже нахмурилась.

- Как же ты выбралась?

- А там под окном... как жердочка тоненькая. Я по ней ногами пошла. А руками держалась за кирпичи. Только мокро было... Страшно. Земля далеко внизу, я знала, но туда не смотрела. А так-то не особо земля была видна, ведь ночь. Только когда молнии сверкали. А хозяин кричал, я слышала... А хозяйку не слышала. И бумагу спрятала за пазуху.

- Какую бумагу?

- Которую хозяйка сунула. Когда велела бежать...

- А куда она велела бежать?

- Я не знаю. Просто велела и всё.

- И давно ты бегаешь?

Маруся быстро и чуть нервно пожала плечами:

- Не знаю. Давно, наверное.

- А бумага?

- Туточки, - Маруся хлопнула себя по рубахе на животе. – Правда, намочла тогда в дожде. Но потом высохла.

Бабка хотела посмотреть... Но потом передумала. Нельзя. А то Маруся может и от неё убежать. Да и толку, если посмотрит? В бумагах они с Митькой не разбирались так же, как и в буквах.

- А не пробовала назад вернуться?

Маруся задумалась.

- Я бы вернулась. А вдруг хозяин увидит?

- Так ты хозяина боишься?

- Нет. Я его не сильно боюсь. Только попадаться нельзя. Ведь барыня мне от него приказала убегать.

Помолчали. Что тут скажешь, если ничего не понятно?

- Ну ладно... Пока с нами побегаешь, потом видно будет, - вздохнула бабка привычной поговоркой.

- Ладно, - вздохнула следом и Маруся.

Спать Нюра легла, как всегда, рядом с Ольгой. Девку надо ночью то накрывать, то посмотреть, чтобы жар не ожёг. Сама Ольга в этом вопросе была ненадёжной. Угорит-замёрзнет и не заметит.

Но Маруся пролезла между бабкой и тонким Ольгиным станом, прижалась к Нюриному животу, вздохнула длинно, со всхлипыванием, облегчённо. Словно выпустила на волю напряжение, которое таилась всё последнее время у неё в груди. Вскоре затихла.

Митька лёг отдельно, спиной к костру, лицом к лесу. Долго прислушивался да приглядывался, потом случайно закрыл глаза, а когда открыл их, было утро. Проспал всю ночь, ничегошеньки не укараулил.

А Нюра долго не могла заснуть, всё дивовалась, какой нечаянный фортель с ней жизнь провернула. А ведь она уже помирать собиралась. А тут вон что...

...Завтра надо что-нибудь найти... девок покормить... На одной рыбе долго не... протянешь...

... Протянешь... Протянешь... Что протянешь?.. Рыбу?.. Девочек...

И Нюра тоже уснула.

Глава 13

Проснулась она рано-рано, раньше солнца. Приподняла голову, оглядывая своих подопечных, все ли целы?

В утренних сумерках увидела, что все. Почувствовала по мерному дыханию, что спят, а вот лиц пока не разглядела.

Бабка осторожно зашевелилась, стараясь не потревожить девок – рано ещё. Сама же решила добавить в костёр немного дров, прогорел почти.

Попыталась вспомнить вчерашнюю мысль, она всё ещё тревожила душу. Кажется, что-то собиралась сделать.

Ах да. Хотела найти что-нибудь помясистее, чем их еда в последнее время. Мяса-то в лесу полным-полно... бегают. А девки худющие, как рябинки. Про Митьку вообще говорить нечего – одни глаза остались.

Что ж, тогда пора на охоту.

Взяла свой единственный узелок, отошла подальше, чтобы никого не разбудить, пока будет выбирать оружие. Развернула...

Не густо. Лапти. Обрывки веревок. Лента. Осколок зеркала. Гребешок. Тряпки. Нож. Всё.

Поколебавшись, взяла кусок верёвки подлинней, тряпку - остаток чьей-то бывшей рубахи в поле нашла, и нож. Оглянулась, соображая, в какой стороне зверя побольше будет, чтобы уж наверняка, и сделала шаг в зелёную чащу.

Солнце взошло. Его самого пока не видать, но сосновые верхушки позолотились, птицы начали свой утренний трезвон, и бабка настороженно огляделась по сторонам. Никого.

Но не может этого быть. Зверем лес так и кишит, только вот пугливый очень. Надо самой не шуметь.

И Нюра двинулась дальше почти на цыпочках.

Вверху часто застучал дятел. Бабка не отказалась бы и от такой заправки в ухо, да как достать? Бросила алчный взгляд в густую крону. Увидела у ствола ярко-красную головку, освещённую утренним лучом. Дятел занимался своим делом, бабку не удостоил вниманием. Да уж, вздохнула. Птица птице рознь, и дятел – это не петух, голыми руками не возьмёшь.

Неподалёку на ветке сидела белка. Грызла что-то. Бабка прищурила глаз. Никогда не ела беличьего мяса.

Пощупала нож. Потрогала верёвку. На всякий случай позвала:

- Кис-кис-кис...

Сверху посыпался мусор. Остатки беличьего завтрака. Сама же хвостатая живо повернулась и брызнула на другую ветку. Не потому, что бабку испугалась, а, кажется, по своим беличьим делам. Нюру она, похоже, не заметила.

«Ладно... Надо по земле смотреть. Что это я, правда, голову задрала? Как будто смогу наверх залезть... Как будто меня кто-то будет ждать, пока я буду лезть!»

И Нюра обратила внимание долу.

Батюшки! Грибы! Белые!

В другое время они долго бы не стояли, в другое время бабка их мигом в подол бы уложила, но тут отвернулась. Теперь не другое время. Теперь надо мясо добывать. Пошла дальше.

Справа что-то зашевелилось - Нюра уловила боковым зрением. Лихо развернулась, готовая броситься на добычу. Ёж. Фыркнул, заторопился ножками в кусты. Сердце бабкино стрельнуло куда-то в шею – вот оно... мясо!

Глаза расширились, руки стали нащупывать тряпку, разворачивать её, ноги заторопились в кусты за ежом.

Ветки остановили. Чуть не проткнули выпученные глаза.

Бабка опустила на колени и поползла дале.

Но ежу удобнее. Он уже выбрался из куста с другой стороны. А Нюра запуталась всеми своими тряпками, верёвками и многочисленными выпирающими частями тела между тонких колючих стволов.

Пока выбиралась, ежа и след простыл.

Но неудача не остудила охотничьего азарта. Наоборот. Бабка поняла, что это была лишь лёгкая разминка. Теперь всё начнётся по-серьёзному. И она стрельнула глазами по сторонам.

Батюшки! А ведь каждая травинка, каждый сучок выделяется. А она-то думала, что плохо видит. А оказывается, по-настоящему и не смотрела ведь.

Сбоку в траве мелькнул чёрный хвост. Змея. Гадюка.

В другое время бабка замерла бы от страха, чтобы аспид подколодный мимо прополз, не заметил. Теперь бы этого аспида не упустить! Да на угли его! Да отведасть мясца подколодного. И бабуля нырнула следом.

Но бежать за змеёй, следя, чтобы чёрный хвост не затерялся в траве, разворачивать на ходу для броска тряпку и нащупывать в кармане нож одновременно оказалось слишком сложно. Нюра не заметила сук, угодила широким лаптем по него и почувствовала, что полетела. Долго летела...

Но руки всё равно не успели бросить охотничьи приспособления и выкинуться вперёд, чтобы защитить свою хозяйку, и Нюра ухнулась животом на землю.

Хотя каким животом? До живота там ещё много места. Потому что живот уже давно к хребту присох. Но рёбрам досталось. Боль была такая, что бабка испугалась, что сломалась вся, как сухая одинокая былинка в поле в непогоду. Лежала несколько минут, опасаясь шелохнуться. Но потом закряхтела.

Дальше пошла уже поспокойней. И немного равнодушной к охоте. Почувствовала, что это не её. Отродясь за зверем не гонялась, видно, нечего и начинать.

И тут он! Заяц! Серый! Сидит в ямочке, ушки прижал, спит!

Приятная неожиданность ударила в рёбра не хуже, чем чуть раньше мать-земля. Бабка вновь почувствовала азарт. Вот они ушки. Чуть вздрагивают во сне. Нагнись лишь только.

Но сначала нужно подойти...

Бабке показалось, что она приподнялась. Так ей захотелось сделать всё бесшумно, что она немного взмыла в воздух. На земле остались лишь широкие носы лаптей. Но они почти не считались.

Вот он заяц. Не чует её. Спит. Бабка уже над ним. Стала медленно сгибать спину, одновременно вытягивая вперёд дрожащую от предвкушения крючковатую руку.

Вот они ушки. Бабка выбрала место, чтобы ухватиться за них покрепче. Ещё миг...

И в следующий миг заяц заверещал препротивнищим голосом.

А потом стал выворачиваться, полосую бабку, словно несколькими ножами одновременно.

Бабка некоторое время держалась, пытаясь усмирить косога второй рукой, но досталось и второй руке.

И лишь когда заячья лапа полоснула по лицу, бабка поняла, что этой трофеей не для неё. Уж больно дикий. Она разжала руку.

Долго смотрела вслед удирающему зайцу. Потом перевела взгляд на израненные руки. Потрогала лицо...

Пора возвращаться с охоты.

Глава 14

- Доброе утро, дорогая. Как вы сегодня спали? – Сергей Дмитриевич склонился к своей красавице жене, нежно поцеловал в щёку.

- Благодарю, милый, хорошо.

- Голова не болит? Выглядите вы прекрасно, но мне кажется, немного бледноваты.

Лидия Ивановна не стала признаваться, что голова её просто раскалывалась.

- Всё хорошо. Сейчас встану.

- Не торопитесь. Скажите, что велеть вам приготовить на завтрак?

- Мне... - Лидия Ивановна почувствовала, что не сможет проглотить ни единого кусочка.

Но об этом говорить мужу не стала. – Милый друг, не беспокойтесь. Чая с горячими булочками и сыром будет достаточно.

- Письмо? – Сергей Дмитриевич бросил взгляд на туалетный столик жены. – От Александры Ильиничны? – узнал он почерк. – Как она поживает? Давненько к нам не приезжала. Пригласите её завтра к нам сюда, меня дома не будет весь день, вернусь, возможно, поздно вечером, вам с ней будет не скучно.

Но Лидия Ивановна в недоумении захлопала длинными ресницами. Какое письмо? Видимо, горничная недавно принесла. Посмотрела на туалетный столик. Но оно уже распечатано. Кто его вскрыл? Она?

Настроение испортилось окончательно. Но она улыбнулась мужу.

- Хорошо, дорогой. Обязательно приглашу.

- Вы не забыли принять лекарство?

- Дорогой... - и Лидия Ивановна снова замолчала.

Они с мужей это уже обсуждали. От лекарства ей бывает плохо. Но Сергей Дмитриевич настаивает на продолжении лечения. Да она и не спорит. Но...

- Ещё не пила.

- Ну конечно, дорогая. Какой же я болван. Ведь вы только что открыли свои прекрасные глазки. Я вам сейчас всё приготовлю.

- Хорошо...

Лидия Ивановна с тоской поглядела в спину мужа, тот хлопотал у шкафчика с графинами и пузырьками. Вчера её весь день тошнило и кружилась голова. Сегодня, похоже, ничего хорошего тоже можно не ждать.

- Давайте, милая, не капризничайте.

- Танюша проснулась? – Лидия Ивановна непроизвольно оттягивала неизбежное.

- Ну конечно, родная. Уже проснулась, позавтракала и теперь занимается французским. Чуть позже я позволю ей погулять в саду.

Лидия Ивановна поняла, что больше тянуть нельзя. Обычно мягкий и покладистый, Сергей Дмитриевич в вопросах её лечения становился твёрд и незыблем. стакан с водой, в которой были растворены её капли, в его руке не дрогнул.

Лидия Ивановна протянула свою тонкую кисть, попутно отмечая, что, кажется, ещё больше похудела. Выпила.

Сергей Дмитриевич слегка улыбнулся.

- Вы мой ангел. Я буду ждать в столовой.

После ухода мужа Лидия Ивановна откинула лёгкое одеяло, опустила ноги на пол, прислушалась к своему состоянию... Так себе. Кажется, лучше, чем вчера. Но лекарства могут опять всё испортить.

Подошла к окну. Задумчиво уставилась в летний мир. Как страшно болеть, когда природа радуется жизни. Как страшно болеть, когда в этом состоянии она проживает свои лучшие годы.

Как страшно терять разум...

В детстве она не заметила, когда похожее несчастье обрушилось на матушку.

Лилия Ивановна попыталась вспомнить.

Перед мысленным взором предстали неожиданные вспышки раздражения матери. Вспомнилась невероятная печаль на её лице в другое время. Но от детей причины этого долго скрывали. Скрывали... Пока не стало слишком поздно.

Фёдор Игнатьевич лечил мать. Теперь он лечит её. Только она стала сомневаться.

Нет, она, конечно же, доверяет пожилому доктору. Но всё же... Иногда её кажется, что стоит показаться кому-нибудь другому.

Вспомнился высокий молодой врач. Внимательный, разумный.

Он лечил её матушку, когда всё зашло слишком далеко, и её увезли в деревню, подальше от друзей и знакомых, подальше от огласки и осуждающих глаз.

Ей бы с ним поговорить. С тем доктором. Может, он бы помог.

Вспомнила про письмо. Подошла к столику, долго смотрела на вскрытый пакет.

Она видит его первый раз. Она к нему не прикасалась. Она в этом могла поклясться.

И стала бы клятвopеступницей.

Потому что таких случаев в её несчастной жизни становилось всё больше. И Сергей Дмитриевич мог бы перечислить многие из них.

Мало что проходит незамеченным мимо его внимательных глаз. Особенно, если дело касалось её здоровья.

**Лидия
Ивановна**

Глава 15

- Митька! Митька, там хатка! – кричать шёпотом, кажется, невозможно, но у Маруси получилось. Она выскочила из кустов, схватила мальчика за руку и, похоже, не прочь была залезть к нему под мышку.

- Ты чего? – Митька и сам дрогнул. – Что там?

- Домик.

- А чего тогда переполошилась? – мальчик попытался прийти в себя.

Маруся захлопала перепуганными глазами:

- А вдруг там кто-то есть?

- Баба-яга что ли?

Маруся тоненько взвизгнула, побежала к Нюре и уже к ней залезла под мышку.

Встревоженная Ольга поднялась, переполох немного вывел её из блаженного полунебытия. Но постояв несколько мгновений, наклонила голову набок, залюбовалась косыми лучами, что вырвались из-за широкого ствола старой сосны, улыбнулась и снова застыла.

- Ну чего ты испугалась? – заворчала Нюра, поспешно отодвигая полную ложку кипятка от девочки. Она только что сварила уху с белыми грибами. Запах в округе стоял такой вкуснищый, что Нюра облегчённо вздыхала. Кажется, можно пока обойтись и без мяса. Вот если бы чуточку соли. Или на худой конец, сухариков.

Но не было ни того, ни другого, и Нюра снова вздыхала.

А тут новость – хата в лесу.

Нюра попыталась успокоить девчонку.

- В лесах полно всяких лачуг. А как ты хотела? Охотники отдыхают, когда от деревни далеко заходят. Или ещё для какой надобности. Пошли поглядим.

Старушка обернулась на своюстряпню – как бы чего не случилось. Да что случится? Зверь лесной к огню не подойдёт, а людей не видать поблизости.

- Только быстро, - сунула за пояс деревянную ложку.

Лачуга была настолько завалена ветками, что казалась просто высокой кучей хвороста. В сажени от неё пройдёшь и не заметишь. И как только Маруся углядела?

Нюра нахмурилась. Кажется, её специально постарались укрыть от чужих глаз. Непонятно...

Но ещё более непонятным стало, когда, откинув сухие ветки, отыскали низкую дверь, а на ней замок.

Бабка так и застыла перед ним.

Никогда такого не видела. Никогда и не слышала, чтобы лесная хибара была заперта. Обычно в таких жилищах пережидают непогоду охотники, и двери в них, хоть и не раскрыты настежь, но и не запираются так негостеприимно.

Или кто-то тут живёт и просто на время отошёл?

Но ни следов, ни тропинок не видать. Здесь давно никого не было.

Бабка, конечно, рассчитывала на соль. Обычно охотники друг другу оставляли кое-какие припасы, но... замок есть замок.

Нюра пощупала его металлическую конструкцию и решила вернуться к своему костру.

- Туда мы не попадём, - повернулась к детям, пожалала беспомощно плечами и заспешила к чугунку.

А Митька с Марусей остались.

- Надо бы вокруг поискать...

- Ключ? – уточнила Маруся. А глаза её уже зашарили вокруг, пытаясь отгадать подходящее место для схрана.

И не успела Нюра разлить по чашкам уху, чтобы остыла, как Маруся снова бежала к ней.
- Нашли! Ба, вот он, - девочка протянула ржавый ключ и улыбнулась.

И Нюра впервые увидела, что одного переднего зуба у Маруси не хватает. Но от этого она делалась ещё более пригожей.

Глава 16

- Маменька, позвольте мне пойти к себе, - робкая просьба Анны прозвучала едва слышно. Дарья Васильевна с дочерьми сидела в маленькой, но очень уютной комнате, обсуждали бал, с которого недавно вернулись.

Как обсуждали? Старшая Екатерина щебетала не умолкая. Мамаша с благосклонной улыбкой внимала и временами вставляла свои замечания. Анна сидела, выпрямив спину и ждала. Ждала, когда её наконец отпустят.

Там, в своей комнате, можно будет погасить свечи, броситься на кровать, с которой ей каждое утро всё тяжелее стало подниматься, закрыть глаза и не думать.

Но теперь Дарья Васильевна обернулась к младшей дочери с чуть презрительной улыбкой.

- Ну что ты, дорогая? Неужели не хочешь немного посидеть с нами? Нет, мы не можем тебя отпустить.

Глаза Дарьи Васильевны блеснули холодом.

Она не смогла простить Анне всего того, что та принесла в семью. А если разобрать по полочкам, то принесла немало.

Младшая выскочка – это было наименьшее из её преступлений.

Когда старшая красавица дочь старалась следовать указаниям матери, всматриваться в кавалеров, думать прежде всего о выгоде и блестящей партии, младшая обогнала её по всем дурным показателям.

И самое страшное - чуть не погубила семью. По крайней мере, их репутация в какой-то степени, даже до сих пор под угрозой. А несколько месяцев назад висела просто на волоске.

Что было бы с Катей? О выгодной партии для неё не стоило бы даже мечтать.

К счастью, этот ужасный проступок не получил огласки, но лишь невероятными усилиями Дарьи Васильевны. Только благодаря ей всё удалось сохранить в тайне от мужа, от слуг, и самое главное, от алчной до сплетен остальной части высшего общества.

И позор... Какой бы это был позор. О! Дарья Васильевна не могла об этом даже думать. И не смогла этого Анне простить. А кто бы смог?

И эта дурочка ещё смела просить о ребёнке! Она смела рыдать и умолять мать вернуть ей младенца. Она смела рассказывать о каких-то своих намерениях уйти из семьи, чтобы унести с собой и ребёнка, и позор, и испорченную репутацию. И она смела её даже упрекать... Неблагодарная.

И эта чудовищная неблагодарность больнее всего ударила в сердце Дарьи Васильевны, вызвав материнское справедливое возмущение.

Пусть теперь расхлёбывает.

И пусть любит, как Екатерина получает свою долю заслуженного счастья. Пусть любит, если в своё время не хватило терпения достойно подождать.

- Дорогая, ты обратила внимание, как многие кавалеры были восхищены твоей красотой?

- Да, маменька. Я ни разу не осталось без партнёра... Анна, жаль, что сегодня не было твоего жениха, и тебе пришлось танцевать всего лишь один полонез.

- Ничего. Завтра Григорий Фёдорович будет с нами ужинать, и Анна своё возместит, если надумает танцевать с ним у нас в гостиной.

- О, я тогда возьмусь аккомпанировать им на фортепиано, - засмеялась Катя.

- Дорогая, может пригласим ещё кого-нибудь?

- Маменька, уже, кажется, поздно. Завтрашний вечер у всех наверняка распланирован.

- Ты забываешь об Александре Андреевиче. Он только что из-за границы, и очень может быть, что ещё не успел его занять.

Повисло молчание.

Екатерина бросила беглый взгляд на сестру. Она знала, что Анна к нему равнодушна. Она знала, что та совершила что-то омерзительное, чем разгневала мать, и ещё догадывалась, что к этому проступку имеет отношение Александр Андреевич.

Когда-то мать была невысокого мнения об этом молодом человеке. Кате же он всегда немного нравился – красив. Но бедность делала его непригодным для семейной жизни. Теперь всё изменилось кардинально. Но что матушка? На её мнение Екатерина ориентировалась в первую очередь.

Дарья Васильевна задумалась. Бросила в свою очередь быстрый взгляд на побледневшую Анну. Да... ей будет нелегко. Но глупо упускать такую возможность. Такое состояние!

- Я завтра же с утра пошлю ему приглашение, - улыбнулась Екатерине.

Не скоро Анна оказалась в своей комнате, не скоро бросилась прямо в платье на свою кровать, не скоро спрятала пылающую голову под прохладную подушку.

Вина... Огромная, страшная, с ней оказалось невозможно жить.

Она немного научилась.

Если погасить свои желания, свои чувства, то немного притупляется и вина.

Не просто погасить, а почти уничтожить их, насколько это возможно сделать в живом человеке. Не дать им ни малейшего удовлетворения. Тогда можно жить. Вернее, существовать.

И вот возвращение Александра всё всколыхнуло, переворошило и испортило.

Анна не хотела заглядывать в себя, не хотела понимать, чем теперь наполнилось её сердце.

«Надо упросить матушку... Или Григория Фёдоровича... Надо просить, чтобы нам обвенчаться раньше. Как можно быстрее...».

Анна хотела поскорей перевернуть последнюю страницу своей неудавшейся жизни.

Глава 17

Нюра разлеглась на лавке, покрытой старой бурой шкурой, и уставилась в тёмный потолок, по которому оранжевыми волнами прокатывались отблески догорающих углей из печи. Хорошо...

- Это сколько же времени прошло... как я в последний раз под крышей спала? – спросила у себя.

Оглянулась на Митьку, на девок и решила не отвечать. Не одна она такая.

- Ольга, ты опять какого-то жука притащила? Мить, тебе поближе, посмотри, что там у неё?

На Нюру редко когда нападала лень, но теперь она её прямо-таки одолела. Бабка вытянула свои костлявые ноги во всю длину, и блаженный покой приятными мурашками расплозся по ним.

- Ба, у неё деньги...

- Какие деньги?

Лень, как корова языком слизала. Нюра в недоумении уставилась на Митьку. Откуда им взяться, этим деньгам?

- Ба, кажется... золотой...

Ещё не легче.

- Да, - кивнула Маруся, заглядывая в Ольгины ладони. – Точно золотой. Я такой видела. Митька, вот смотри, с этой стороны ещё царица нарисована... Мне барышня показывала. У неё такая денежка была.

- Ага... - так и поверила Нюра своим молодым спутникам, но ноги с лавки скинула и поковыляла к Ольге проверять, о чём они болтают.

А потом и сама застыла с раскрытым ртом.

- Батюшки! Это что же? Это где ты такое взяла?

А Ольга держала денежку на раскрытой ладони, улыбалась и, как всегда, ничего не сказала в ответ.

- Ба, а что на неё можно купить?

Но перепуганной Нюре представилось не изобилие, которое благодаря этой монете теперь посыплется на них рекой, а сплошные неприятности.

- Ох... Не знаю... У кого мы сможем обменять такую драгоценную вещь? Если только у купца какого. А коли спросит, где взяли? Ещё подумает... Ольга, где денежку взяла? Где? Покажи пальчиком.

Но Ольга только улыбалась.

- Когда и найти-то успела? Вроде, всё время с нами, всё время на виду... Не, у меня тоже раз случай был. Я как-то в лесу на дороге внучку ждала, так от нечего делать ковырнула пыль ногой. Просто так ковырнула, а оттуда медный грошик выскочил. Потом мы с внучкой всю дорогу перерыли и ничего. Вот такой случай был... Но то грошик, а тут...

Ольга перестала улыбаться. Брови её болезненно надломились, она нагнула голову и опустила ладони. Золотой покатился по земляному полу. И следом крупные слёзы покатались по щекам девушки.

- Так мы же тебя не ругаем! - перепугалась бабка. - Оленька, - погладила Нюра по светлой головке. - Играйся. Нашла и нашла. Молодец, значит. Не выкидывать же обратно?

Маруся сбегала в угол, куда укатилась монета, подняла её и принесла обратно.

Но Ольга брать не захотела.

- Ба, да возьми её к себе.

- Да как же?

- Ну ты же сама сказала, что её не надо выкидывать. А мы потеряем.
Нюра осторожно взяла, пощупала пальцами.

- Никогда не держала такого богатства. А может, фальшивая? Их как-то на зуб проверяют.

Митька, ну-ка кусни.

- А ты?

- Да какие у меня зубы? Ещё испорчу такую интересную вещь.

- Прямо сильно кусать?

- Не знаю... Не сильно... А то прокусишь. Зубы, небось, у тебя острые.

Митька куснул сначала едва. Потом осмелел, стал крепче надавливать. Монета держалась.

- Настоящая, - обрадовалась бабка.

Обрадовались все. Даже Ольга вновь заулыбалась, глядя на переливающиеся красно-чёрным угольки.

А монета остаток вечера кочевала из одной ладони в другую, приятно скользя между пальцами и навевая мечты.

- Коровку бы купить... Да где её держать только? Раз мы бездомные получились. Или в лесу какую землянку построить? Как эта... А? Где-нибудь подальше, чтобы никто не прогнал. Как думаете?

- И ещё ружьё купить. Чтобы охотиться. Мы бы тогда зимой не пропали. С мясом всегда веселее.

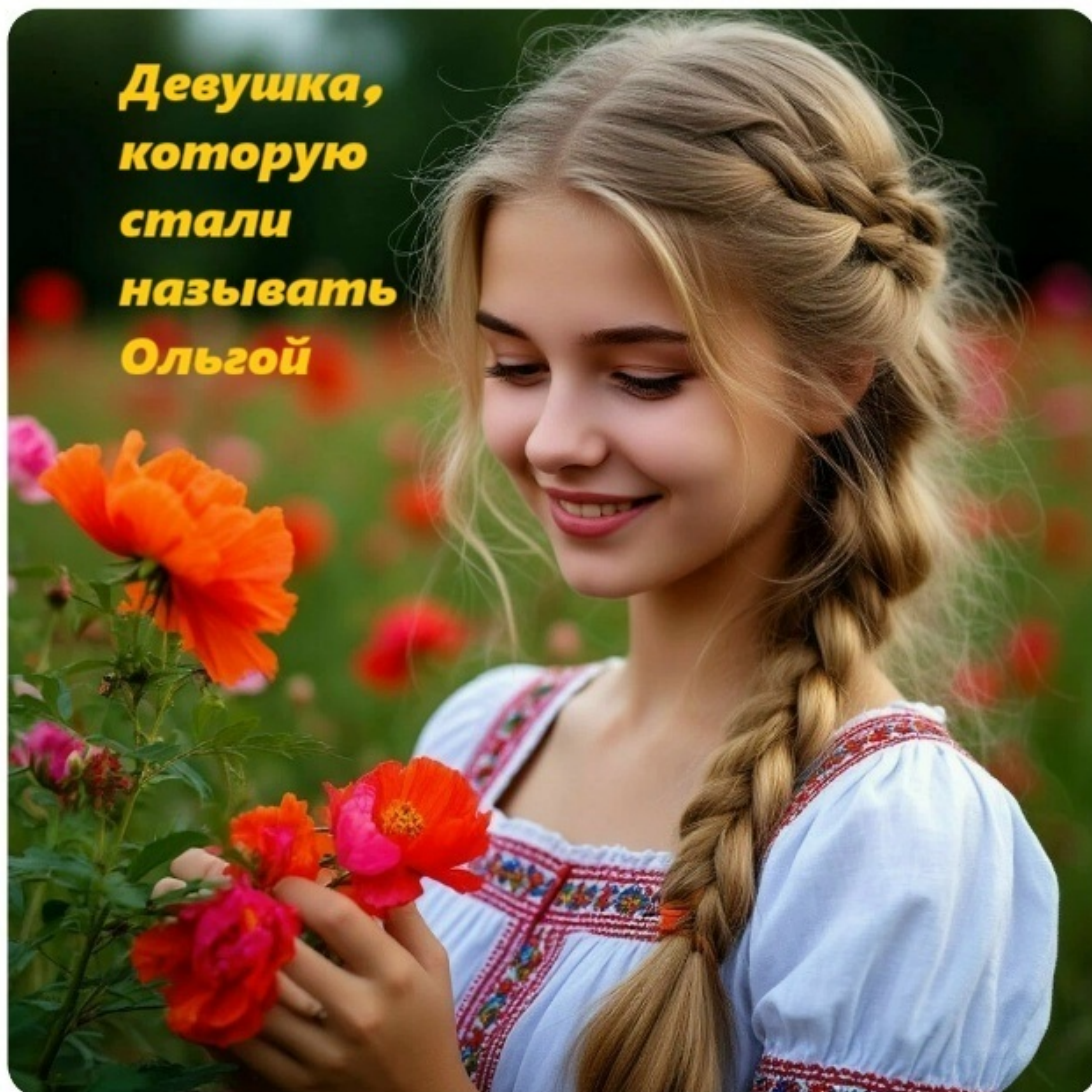
- И котёночка...

- Так котята просто так по улицам бегают никому не нужные. Лови и себе забирай.

- Правда? А мы возьмём?

- Если землянку поставим, котёнка обязательно возьмём. А как же? Он у нас мышей ловить будет.

Долго не могли уснуть. Всё представляли свою будущую уютную землянку. В её углу жаром пыхала печь. В печи хлеб покрывался румяной коркой. На полу игрался котёнок, а во дворе мычала корова – хозяйку звала.

Глава 18

Бессонная ночь в какой-то момент показалась зависшей в вечности. Темнота за окном, темнота в комнате, темнота в сердце сделалась невыносимой, и Александр зажжёт свечу.

Маленький огонёк плясал перед глазами, и как отчаянный одинокий воин разгонял мрак. Но где ему справиться, если мраком наполнился мир?

И всё же со свечой легче, крошечный мятежник притягивал взгляд и согревал душу.

И вот уже воспоминания пришли на помощь огненному воителю, и пламя расширилось, перекрывая темноту, во всяком случае, в затуманенном взоре единственного наблюдателя. В нём заискрилось летним днём, брызнуло солнечным светом и стало показывать дорогие сердцу картины.

Как Александр ни пытался позже вспомнить, что сказал Анне в тот день, который разделил его жизнь на две части – одну тусклую и неинтересную, вторую – наполненную смыслом, не смог. Зато помнил, как после его слов голубые чистые глаза распахнулись в изумлении, а потом Анна засмеялась звонко, весело, от души. И этот смех преобразил её лицо, чуть приоткрыл добрый светлый внутренний мир девушки, показал белые ровные зубки, украсил милыми ямочками нежные щёки.

И пока длился смех, Александр влюбился. В его сердце вошла та единственная, которая навсегда останется в нём хозяйкой.

Потом были короткие встречи втайне от всех. Всё лето, как один день. Счастливый, искрящийся, чудный.

Анна читала ему стихи Сумарокова и сердилась за то, что он их не понимал. А он любовался выражением её глаз, изгибом пухлых губ, нахмуренными тонкими бровями и запутывался в поэтических строках ещё больше.

А потом всё чаще стали падать под ноги жёлтые листья, напоминая, что ничто не вечно, в том числе и это лето. И тогда они поклялись друг другу, что их чувства останутся неизменными.

Воспоминание на короткий миг прогнало темноту из сердца. А потом он уже чуть свободней вздохнул.

Да что это с ним? Он сдался? Он струсил? Он готов отдать свою девушку другому? Он что, дурак?

Ведь ясно же, что такая перемена с Анной не просто так. И теперь делом его жизни выяснить, что же случилось, и помочь ей. Пусть не получится всё, но облегчить её боль он попытается. А больше ему ничего не надо.

И завтра же он начнёт...

Хотя...

Серый свет полился в окно, помогая догорающей свече развеять темноту. Утро на подходе.

Значит, начнёт сегодня.

Александр погасил свечу. Она сделала своё дело. Она вспугнула мрак в ночи. Грядущее солнце гонит мрак за окном. А в своей жизни он сам попытается сделать то же.

Чуть позже слуга принёс приглашение от Дарьи Васильевны. Она звала его отужинать в их скромном, почти семейном кругу.

Неожиданно. И непонятно... Как стихи Сумарокова.

Но Александр намерен воспользоваться каждым мгновением, которое предоставит ему жизнь или Дарья Васильевна, или кто-либо ещё, чтобы приблизиться к своей цели.

Глава 19

- Ба! Ты монету Ольге назад отдала?

- Какую монету? – спохватилась старушка и полезла в карман. – Нет, вот она у меня, - потрясла маленьким узелком.

- А у неё опять.

- Что?

На этот раз страшно стало всем. Нюра и дети окружили Ольгу и молча уставились в её ладони. Между пальцами сверкала золотой.

Ольга, не поднимая виноватых глаз, опустила ещё и голову, а золотой, как и в прошлый раз, покотился из ладоней. Только теперь в траву. И на этот раз никто за ним даже не дёрнулся.

- Что это за место такое? – испуганная бабка завертела головой.

И то, что недавно казалось уютным и надёжным, насколько уютным и надёжным может быть чужое жилище, теперь источало невидимую угрозу.

Марусе показалось, что даже верхушки сосен грозно зашумели, прогоняя их.

- Нам надо отсюда уходить, - Митька оглянулся. Теперь и ему мерещились чужие тени за широкими стволами.

- На ночь глядя?

Нюра задумчиво пожевала губами. Всё же, чья бы эта лачуга не была, она давно не обитаемая. И вряд ли хозяева вернутся прямо сейчас.

А с другой стороны, кто им помешает вернуться тогда, когда вздумается?

- Мить, что делать будем?

- Может, пойдём к озеру, где были в первую ночь?

- Марусь, ты как считаешь?

Но девочка была слишком напугана. Она судорожно вцепилась в Нюрину юбку, и про то, как считала, ничего не ответила. Но всё поняли и без слов.

- Ладно, - приняла решение бабка, - сегодняшнюю ночь проведём на старом месте у озера, а завтра пойдём дальше. Не бойся, Маруся, как-нибудь переночуем, раз такое дело. А в избушке всё приберём, как было, закроем её и... Как говорится, на чужой каравай рта не разевай.

- Ба, а деньги давай возьмём.

- Конечно, возьмём, - бабка нагнулась к траве, отыскивая золотой кружок. – Что мы дураки что ли, таким богатством разбрасываться?

Скрыть все следы своего пребывания, конечно, не удалось, но сделали всё, что могли, и когда почти стемнело, прибыли на своё старое место.

Маруся всё жалась к бабке.

- Мить, будем костёр разжигать?

Вот так вопрос. С одной стороны, как ночью в лесу без огня? С другой – пояснила Маруся:

- Давайте не будем... А то увидят...

- Да кто увидит? – но Нюра и сама распознала неуверенные нотки в своём голосе.

Спать улеглись без огня.

Бабка долго слушала, как вздыхала Маруся, как вертелась у её живота, наконец уткнулась головой в грудь и затихла. А потом и Нюра уснула. А ночью её дёрнули за ногу.

- Хтой-та? – подхватила она.

Темнота не была полной, светила луна, но Митьку она узнала не сразу.

- Разговаривают, - шепнул он.

«Кто? Где?», - хотела спросонья спросить, а потом и сама услышала. Но это были не разговоры. Это были крики и ругань, кажется, не совсем трезвых мужиков. И они доносились со стороны их избушки. Между стволами светились факелы.

- Ба, я посмотрю...

- Куда ты? – прошептала Нюра, да поздно. Митька уже скрылся в темноте.

- Ох, батюшки, что же теперь?

Оглянулась на спящих девок. Будить? Или дождаться Митьку?

Решила подождать. Маруся только трястись будет. Да и Ольга перепугается.

И Нюра уставилась в сторону криков, конского ржания и треска сучьев.

- Чего ж их нынче принесло? Не могли завтра, то ли? – бабка и сама не заметила, как от волнения размышлять стала вслух.

Судя по воплям, их временную крышу над головой теперь заняли не самые смиренные люди.

- Никак разбойники? Лиходеи?

До Нюры по-прежнему доносились ругательства и хохот. Она искусала себе все губы. Но где же Митька?

- И чего мы с вечера не ушли куда подальше?

Но если бы Нюра знала, в какую сторону повернут дальнейшие события, она так бы никогда не сказала.

- Ба, кто там?

Старушка даже чуть подпрыгнула, когда сзади её тронули за локоть.

- Маруся, ты проснулась? - голос от испуга прохрипел, как у дурного петуха.

- Да... Хозяева прибыли?

- Прибыли...

Очень нескоро шум стал затихать, но Митька всё не возвращался.

Глава 20

- Ба...
- Митька! Наконец-то! Ты что так долго?
- Там девка...
- Девка?.. Ну так... И что теперь? Давайте уходить... Буди Ольгу.
- Ба, постой... Ты не поняла... Она не с ними.
- Как это?
- Они её привезли связанную и бросили в яму. Там один... главарь, наверное, сказал, чтобы до утра не трогали...
- В какую яму?
- Да, оказывается, неподалёку от лачуги была яма. Прямо в земле. Она не видна, потому что там крышка... Как в погребу.
- Нюре смутно припомнился глухой звук в траве под ногами в одном месте. Она туда всё хотела заглянуть, да так и не нашла лазейку.
- И что теперь? – у Нюры от таких новостей опустились руки.
- Надо её достать...
- Легко сказать – достать.
- Как?
- Они пьяные...
- Ладно... Давай думать.
- А я?
- А ты, Маруся, будешь Ольгу караулить. Не забоишься?
- Маруся нервно оглянулась по сторонам. Кругом тени. Притаились, ждут, когда бабка с Митькой уйдут.
- Не... забоюсь.

- Через несколько минут две тёмные фигуры пробирались через кусты, стараясь не сильно трещать ветками.
- Мить, дай я первая, - раздался Нюрин шёпот. - Я знаю, где яма.
 - Ба, давай мне верёвки.
 - И ножик тоже держи. А я крышку попробую открыть. Там же должно быть что-то, за что её можно потянуть. Ты не видел, как те открывали?
 - Они факелами долго светили, а потом один нашёл... верёвку, что ли? И потянул.
 - Ага. А теперь бы нам без факелов найти то же самое.
 - А если девка уже того?..
 - Что того?
 - Мёртвая... Они её прямо кинули, как... мешок...
 - Так она, может, и была уже... неживая?
 - Не-е, живая. Она ногами дрыгала и мычала. Рот, наверное, завязан тоже. А теперь и не знаю. Всё-таки кинули её не жалеючи.

Бабка на это ничего не ответила. Ей и самой было страшно. Сказать по правде, она и сама мертвецов боялась. И живых тоже, особенно таких, каковы нынешние хозяева лесной лачуги. Но по правде говорить Митьке не стала.

- Тихо... Пришли.

Прежде, чем выйти на поляну, встали за стволами крайних сосен.

Луна временами выглядывала из-за туч и освещала окрестности. Её лучи с трудом пробивали лесную крону, но на поляне кое-что было видно.

Виднелась лачуга. Теперь ветки были скинуты с крыши, и она стала более-менее похожей на жильё.

Виднелась трава перед входом, там стояли и лежали кони. Бабка попробовала посчитать их, но не разобралась толком, где кончается тень, и начинается конь.

Людей не видать.

- Спят, кажись...

- Так говорю, что они пьяные были...

- Ну знаешь... пьяный пьяному рознь. Иного пьяного ни за что не уложишь... Но раз тихо, пора...

Нюра попыталась поточнее вспомнить, где тот раз под ногами глухо отзывалась земля.

- Я пошла...

- Я с тобой.

- Но, если что - улепётывай во все лопатки, за меня не думай, девок уводи. Я старая, разберусь.

Митька на это промолчал.

Добрались почти до лачуги. По-прежнему было всё спокойно. Лишь кони фыркали и стучали копытами. Но это хорошо. Если они с Митькой и зашумят – подумают на лошадей.

Затопали сами по земле, двигаясь кругами в разные стороны.

Вскоре под Митькиными ногами загудело порошне. Тут же упали на колени и стали щупать руками, пытаясь отыскать что-нибудь, похожее на рычаг.

Нашлись колючки – оцарапали руки, попалась крапива, тоже приятного мало, и когда бабка схватилась за змеиный хвост, то чуть не заорала. Но почти сразу догадалась, что это не хвост, а то, что нужно.

Потянула... Тяжело... Митька ухватился тоже. Край крышки приподнялся, и мальчик вцепился в него двумя руками.

Вскоре крышка лежала рядом.

Осторожно заглянули в яму.

Не так уж и глубоко. Аршина три, а может, и меньше.

В углу сидела девка, луна как раз осветила её. Блеснули глаза, забелели волосы. Во рту, кажется, тряпка.

- Живая, - облегчённо выдохнул Митька.

- Эй... Как тебя, не знаю... Нас не бойся. Мы тут... мимо проходили... Сейчас тебя будем вытаскивать.

Девка часто закивала. А Митька уже обматывал себя верёвкой.

- У неё руки-ноги связаны. Ба, придётся туда лезть.

Это был самый страшный момент.

Пока Митька был в яме, пока разрезал верёвки, пока обвязывал девицу, бабка лихорадочно поглядывала на низкий вход лачуги.

Что делать? Что она будет делать, если дверь заскрипит?

Но дверь не заскрипела, а из ямы раздался Митькин шёпот:

- Тяни...

Девку вытягивать было нелегко. Пока Митька помогал снизу, бабка справлялась, когда же девка поднялась так, что Митька перестал доставать, бабка почувствовала, что теперь ещё и она может свалиться к остальным. Ноги заскользили по траве. Девка начала опускаться.

Тогда бабка сделала невероятно шустрый манёвр, крутанувшись кругом, и верёвка обернулась вокруг талии, стянув её чуть ли не до осиных размеров, но это не помогло. Бабка продолжила скользить к яме. И тогда она сделала другой ловкий манёвр - легла на траву. Движение остановилось. Девка повисла в воздухе. Всё... Манёвры у бабки закончились. Она лежала и моргала в темноту.

«Вот те раз... Завтра разбойники подымутся, а тут вместо одной пленной трое. Причём, старая дура сама себя связала. Во будут удивляться, откуда столько радости, когда не ждали».

- Ба, ты чего?

Голос раздался сзади.

- Маруся?

- Тебе помочь?

Скоро по лесным буеракам пробирались пятеро человек. Их целью было пока одно – уйти куда-нибудь подальше.

К утру выбрались из лесу. Впереди петляла неширокая река. Рухнули на её берегу, отдышались.

- Девка, как тебя хоть звать? – запоздало поинтересовалась бабка.

Дети с интересом взглянули на новенькую. Была она молодая, немного потрёпанная, в нищенской одежде.

- Ксения.

Маруся улыбнулась. Ксения ей понравилась. Ксения понравилась всем.

Глава 21

Мир вокруг блестел и переливался. Мир был светлый, но в нём было много ярких пятен. Мир был добрый и тёплый.

И Она в этом мире была в безопасности. Здесь нечего бояться. Здесь некому и некого обижать. Здесь хорошо.

Она застывала над цветком и всматривалась. И уносилась куда-то далеко. То ли высь, то ли вглубь, сама не понимала. И цветок показывал ей разные миры.

Вот капля росы на лепестке. А в ней сияние света, а в ней переливы радуг, а в ней танец звёзд.

Но можно проникнуть ещё дальше. И навстречу польются краски. Невероятно яркие и нежные цвета, они обволакивают сердце, наполняют его радостью и восторгом.

Но это далеко не предел. Аромат давно уже окружил, окутал невидимой дымкой, качает на мягких волнах.

А если попробовать проникнуть ещё чуть-чуть?

О, там совсем незнакомый мир. Там, кажется, обитают те самые сказочные существа, о которых она когда-то что-то слышала. И в награду за её смелость и любознательность неведомые ранее глубины открывают свои тайны и показывают волшебство.

А вокруг неё живут существа-тени. Вначале Она их боялась, но потом сообразила, что это ангелы. Они заботились о ней, догадывались, когда её начинало мучить неясное беспокойство, когда чуждая и неприятная потребность терзало что-то внутри. И ангелы спешили ей помочь.

Она их видела смутно, как тёмные пятна, и радовалась, что они есть. Но вглядываться пристальней в них не хотелось.

Ангелы звали её Ольга.

Ей это не нравилось. Почему Ольга? Это неправильно.

Но как правильно? Она догадывалась, где можно найти своё настоящее имя.

В этом мире была дверь. Просто дверь. Грубо сколоченная из неровных коричневых досок. Она висела прямо в воздухе, не касаясь земли. И медная ручка поблёскивала, словно подмигивала, так она звала к себе, приглашала выйти.

И Она пугалась. Старательно отводила взгляд, пыталась удалиться от грубых досок. Но не получалась. Дверь всегда была неподалёку. Дверь ждала.

Её настоящее имя было за той дверью.

Глава 22

- Ксения, говоришь? И откуда ты, Ксения, будешь? Из каких таких краёв и какого роду-племени?

Бабка спрашивала, а сама уже всё поняла. И неловко ей стало, когда девушка отвела взгляд в сторону и вниз, заморгала виновато.

Сирота. Дурочка. Таких в каждой деревне можно встретить.

Нет у них рода-племени, и не помнят они своих мест.

А дурочки они не потому, что ума не хватает, хотя встречается немало безумных, но далеко не все. А дурочками они считались за виноватость свою, за готовность склонить голову перед насмешкой, перед грубостью, перед высокомерием и самодовольствием тех, кому посчастливилось в этом мире не стать сиротой.

И ходят, и бродят они по свету, и знакомятся с самыми страшными сторонами человека, с его глупой жестокостью и равнодушием.

Когда в грязной черепушке протягивает благодетель кислую похлёбку, а потом, словно пожалев о своей щедрости, толкает под локоть голодного человека, и со злорадством наблюдают, как выплескивается подаяние наземь. А потом вдогонку бурчит недовольно про дармоедов, которые не хотят работать, а только бы побирались по дворам.

Когда заплесневевшую корку бросают под ноги:

- Жри, - и злорадно наблюдают, как дурочка наклоняется за ней.

Или нет? Не возьмёт? Не сломалось ещё невидимое внутри, отвернётся, пойдёт дальше своей дорогой?

- Значит, неголодная! – в таком случае захлопнет калитку, блеснёт чуть разочарованным насмешливым взглядом.

Когда тычками и руганью пытаются уничтожить в них что-то светлое, человеческое, что проглядывает сквозь грязь и рваные одежды, и которое не могут увидеть порочные глаза, но сердце чувствует непохожесть и раздражается.

Когда чужая незащитность приводит к ощущению безнаказанности и поднимает со дна души муть.

А дурочки и не видят в себе ничего человеческого и светлого. Принимают грубость, словно заслужили, словно ничего другого им не положено, согласившись с таким мироустройством. Ведь другого не знают.

И бредут дальше, пока мороз в поле не сжалится, не остановит навеки, и метель не покроет грязные лохмотья своим белоснежным икрящимся саваном.

Бабка вздохнула. Слишком часто встречала она таких.

А потом расширила глаза в испуге. А они? А ведь они тоже теперь такие же. Бездомные, незащитные, и вот-вот станут дурочками.

Испуганно оглядела девок.

Ольга, не мигая, смотрит на текучую воду. Сарафан почти новый, чистый, коса аккуратно заплетена. Никто не скажет, что дурочка. Но долго ли так будет? Через сколько дней одежда истреплется? Нюра, конечно, следит, чтобы всё чисто было. А долго ей осталось? А дальше что?

Перевела взгляд на Марусю. У той одежда уже никудышняя. Уже выглядит нищенкой.

Посмотрела на Митьку. Стало чуть легче. Несмотря на заплатки, Митька – мужичок. В нём чувствуется сила. Пока он рядом, девок в обиду не даст.

Глянула снова на Ксению. Та так ничего не ответила.

- Будешь теперь с нами. Как говорит Митька, впятером веселее.

Глава 23

- Александра Ильинична, прошу ещё чаю.

- Благодарю, дорогая, с удовольствием. У вас так приятно, я отдыхаю всей душой. Но, кажется, уже поздно.

Лидия Ивановна на это промолчала. Действительно было поздно. Длинный летний закат погас за окном, наступала ночь.

Гостья хоть и разнообразила несколько часов, однако утомила. Визит затянулся.

Лидия Ивановна едва сдерживалась, чтобы не помассировать виски. Она устала, болела голова, а гостья, похоже, не торопилась домой.

Александра ей не нравилась. Нет, она была яркой, умной, красивой, уверенной женщиной. Муж поощрял эту дружбу. Он шутил, что рядом с Александрой не задержатся хандра и апатия, и Лидия Ивановна непременно взбодрится.

Но тут он ошибался. Рядом с Александрой Лидия чувствовала какую-то неясную тоску. Словно жизненные силы просачивались в невидимую трещину и утекали прочь.

И дело не в плохом самочувствии. Лидия не понимала, что не так в этом общении. Может, они с Александрой слишком разные?

Бесконечные переливания из пустого в порожнее были утомительны, а к этому сводились все их разговоры.

И ещё Лидии казалось, что и она тоже неинтересна Александре, что та с ней невыносимо скучает. Но всё же регулярно пишет и навещается, как будто отбывает какую-то повинность.

Может, тут дело в милосердии? Может, Александра пытается помочь Лидии удержать последние нити, связывающие её с обществом? Ведь Лидия в последнее время всё неохотнее покидает свой дом, всё реже зовёт кого-либо в гости. Так недолго и вовсе отгородиться от мира. И что тогда? У Лидии дочь. Она должна думать о ней.

Так что, вздохнув поглубже, Лидия улыбнулась своей подруге и протянула ей тарелку с пирожным.

- Попробуйте ещё это. Здесь удивительно вкусная начинка.

Ах, как же хочется в детскую. Танюша, скорее всего, уснула. Но можно полюбоваться нежным личиком девочки, поцеловать её в щёку. Она сегодня её толком не видела.

Комнаты Лидии были в дальней части дома, подальше от слуг. Так настоял Сергей Дмитриевич, считая, что жену должны окружать тишина и покой.

- Жаль, что мне так и не удалось поприветствовать вашего мужа.

- О, Сергей Дмитриевич сегодня задерживается. Уверена, он будет тоже огорчён, что не застал вас.

Лидия Ивановна потянулась с чайником к фарфоровой чашке гостьи и вдруг застыла в ужасе. В жидкости плавал крупный мотылёк. Кажется, моль.

- Да, благодарю, - Александра придвинула чашку к замершей хозяйке, кажется, не понимая, чего та медлит.

- Ах, прошу прощения! Какой конфуз. - Щёки Лидии вспыхнули алым цветом. - Я сейчас же вам заменю.

- Что не так, дорогая? - Александра удивлённо захлопала глазами, и не дождавшись добавки, взяла тонкими длинными пальцами свою чашку и поднесла ко рту.

«Нет!» - этот возглас Лидия сдержала.

Александра поставила кружку на стол. Мотылёк по-прежнему покачивался на тёмной поверхности. Он был мёртв. Лидия отчётливо видела его мохнатое тучное тельце, его бледно-перламутровые крылья. Пыльца с них частично осыпалась и неприятно припорошила чай.

А Александра его не видела! Она вновь понесла свою чашку к губам.

Обессиленная Лидия плюхнулась на свой стул.

- Кажется... у меня голова...

- Ах, дорогая. Я вас утомила сегодня.

Она решительно поднялась.

- Мне пора.

Лидия проводила гостью.

- Да, - обернулась Александра к хозяйке у двери. – Ваше вишнёвое платье... Мне оно так понравилось. Нет ли у вас выкройки?

- Какой платье?

- То, в котором вы были на балу у княгини Полоницкой.

- Вишнёвое? Я, кажется, была в зелёном...

- Дорогая... платье с пышным рукавом. На поясе белая вышивка... Она так приятно выделялась на вишнёвом фоне...

- Хорошо... Я посмотрю... Кажется... может быть...

- Прощайте, дорогая. И я вас непременно жду у себя. Выберите любой вечер. И захватите выкройку.

- Прощайте.

Лидия некоторое время глядела на закрывшуюся за Александрой Ильиничной дверь. Потом медленно, словно во сне, вернулась в свою комнату. Подошла к чайному прибору гостьи, с опаской заглянула в её чашку. Мотылька не было.

Она снова села на стул. Долго смотрела в никуда. Потом спохватилась, побежала в свою гардеробную.

Платье... Почему вишнёвое? У неё нет вишнёвого платья. На балу у Полоницких она действительно была в очень красивом платье, с пышными рукавами, с белой искусной вышивкой по поясу. Но само платье зелёное.

И войдя со свечой в маленькую комнату, первое, что она увидела – вишнёвое платье.

С пышными рукавами, с белой вышивкой...

К дочери в этот вечер Лидия не пошла.

Глава 24

- Доброе утро, моё солнышко, - Лидия наклонилась к хмурой дочери, поцеловала в щёчку.

Таня чуть отстранилась, подняла на мать печальные глаза, не ответила на ласку, и это было так на неё непохоже.

Сердце Лидии будто сжалось железным обручем. Она всегда остро реагировала на недобрые эмоции своих близких.

- Почему ты одна?

Таня сидела на садовой скамейке, хмуро смотрела на плавающих лебедей в пруду.

- Мадемуазель Эмили ушла за шалью.

Лидия на это только обрадовалась. Как хорошо побыть с дочерью наедине. Села рядом.

- Мне кажется, что ты грустишь...

Таня несколько мгновений глядела на мать, ничего не ответила, снова повернулась к лебедям. Вздохнула.

И словно морозные когти процарапали спину Лидии. Неужели она опять что-то натворила? Но как расспросить? Признаться, что она ничего не помнит, было невыносимо.

- Расскажи мне, - голос чуть дрогнул.

Может быть, Таня почувствовала тоскливую неуверенность матери, её губы задрожали, а слёзы часто-часто закапали из глаз.

- Дорогая моя, что случилось?

Лидия Ивановна попыталась обнять дочь, но её фигурка при прикосновении материнских рук словно окаменела, девочка не захотела объятий.

Лидия встала со скамейки, присела на корточки у ног дочери, заглянула ей в глаза. Та закрыла лицо ладонками, словно не желала видеть мать. И это было уже слишком. Лидии показалось, что мир рухнул на её бедную голову.

Это её болезнь... Жизнь становится невыносимой.

А Лидия, похоже, становится непредсказуемой. Возможно, пришла пора её изолировать. Отправить в глухую деревню, как когда-то матушку.

Женщина едва сдержалась, чтобы тоже не заплакать, промолвила тихо и виновато, готовая выслушать очередную плохую новость.

- Я не понимаю... Расскажи...

- Зачем ты прогнала Марусю?

- Марусю? Разве её нет?

Но потом сообразила, что не видела девчонку вот уже несколько дней.

Но Лидия нечасто выходила из своей половины. И то, что Маруся не попадалась ей на глаза, не казалось странным. Мало ли где бегает эта симпатичная беленькая крестьяночка – подружка дочери.

Вот из-за подобных частых отлучек гувернантки Таня и сдружилась с маленькой прислугой. Лидия понимала, что это неправильно, но ей казалось, что в детском возрасте вполне допустима такая близость.

Гораздо неприятней было то, что мадемуазель Эмили бросает свою воспитанницу одну. Она даже жаловалась мужу, но Сергей Дмитриевич не увидел в этом ничего предосудительного. Он считал, что дочь уже большая, и побыть несколько минут в одиночестве ей может быть даже полезно.

А Таня не была в одиночестве, пока рядом находилась Маруся. Теперь её нет? Лидия её прогнала?

Это была такая чушь, что всё внутри запротестовало. Не прогоняла она Марусю! Просто не могла! Ей и самой бесконечно нравилась эта малышка. Она даже подумывала взять её в семью на воспитание. Как-то устроить судьбу.

Но этот протест возник лишь на несколько мгновений. А потом...

Потом вспомнилась ночь. Гроза за окном. Какой-то ужас... Какое-то страшное беспокойство... Марусины испуганные глаза... Окно...

Воспоминание смутное-смутное, обрывистое, нелогичное, словно дурной сон.

А сон ли это?

Лидия в замешательстве посмотрела на дочь. Спросила неуверенно:

- А что сказал папа?

- Он сказал, что ты её выгнала из дома. Ночью. В грозу. Одну.

Лидия почувствовала, что в этом прекрасном месте, на лавочке, на которой она любила посидеть с книгой в руках, рядом с чудесными белыми птицами, ей невыносимо... Так невыносимо, что она может задохнуться от горя.

Ей захотелось пообещать дочери, что она попробует всё исправить, что она попытается найти Марусю, но сдержалась.

Разве она может что-либо обещать?

Глава 25

- Будешь теперь с нами. Как говорит Митька, впятером веселее, - предложила Нюра Ксени, и ей показалось, что та не особо обрадовалась. Отвела глаза в сторону, промолчала. Но осталась.

До обеда спали, бабка караулила. Ей не надо много сна – так она объяснила всем про старость. Потом весь день брели вдоль реки. Уходить в лес, тянувшийся вдаль справа, не хотелось. Лес теперь пугал. Там за каждым кустом мерещились бы разбойники.

Поэтому они брели по открытому высокому берегу. Часто оглядывались назад, проверяя, нет ли погони. Сзади далеко просматривалось пространство, и было оно безлюдно.

- Если что, - соображал Митька, - рванём через реку на ту сторону.

Речка петляла по луку. На противоположной стороне пологий берег переходил в зелёные кусты, кое-где виднелись рощи, места ненадёжные, чтобы спрятаться, но ведь достаточно укрыть всего лишь Ксеню. А ими разбойники не должны бы заинтересоваться, ведь не могут же они знать, что именно их компания жила в лесной избушке, что это они утянули два золотых червонца, а потом и Ксеню в придачу. Мало ли народу по дорогам бродит?

Ксения толком не объяснила, зачем она понадобилась лиходеям.

- Я шла по полю, а они на конях догнали... Окружили...

- Эта? – спросил чернявый, с густыми кудрявыми лохмами.

- Эй, тебя как зовут? – вместо ответа спросил другой, лысый, как коленка.

Но девушка молча вертелась вокруг себя, пытаясь рассмотреть угрозу. Угроза была со всех сторон. Не было щели, в которую она могла бы нырнуть. Да и если бы убежала – надолго ли ей хватило бы этого бега? Что она могла сделать посреди пустынной дороги, где позади едва виднелось село, впереди редкие кусты, а вокруг бандитские морды на лошадях.

- Она, кажись... Девка, ты в том селе только что была? – лысый махнул рукой назад.

«Украли... Они думают, что я что-то украли».

Девушка взяла голову в плечи, догадываясь, что сейчас будут рвать одежду, обыскивать и бить.

«Наверное, пропало что-то маленькое...».

У Ксени в руках не было узелка. Только палка. Всё остальное имущество легко помещалось за пазухой.

- Поедешь с нами. Не бойся, не тронем. Глаза только завяжем – тебе же лучше, если завяжем.

Но Ксения несогласно замотала головой, а потом всё же побежала. Недолго.

- Не обидели? - бабка бегло окинула взглядом девку.

- Ого, не обидели! – вмешался Митька. – Так зашвырнули в яму, что как только кости целы остались.

- Да нет... Я не зашиблась. Там солома, - Ксения виновато улыбнулась Митьке, как будто ей совестно стало, что он её пожалел, когда она того не заслужила. Потом ответила бабке, - не обидели.

И Митька понял, что они говорили о чём-то своём, непонятном.

На закате остановились в безлюдном и очень красивом месте. Может, особое очарование ему придавали оранжевые краски раннего летнего вечера, может, цветущий луг, что пестрел множеством васильков и ромашек, а может, река, что отступала от высокого берега, образуя песчаную косу, как раз такую, на которой они могли бы обосноваться, даже разжечь костёр, и их не видно было бы со стороны.

- Здесь остановимся, - облегчённо выдохнула бабка.

- Надолго?

- Ну... может на пару денёчков. Пока не сообразим, куда дальше.

Хоть старость, со слов Нюры, не требовала много сна и еды, всё же это не такая штука, чтобы дни и ночи проводить на ногах. Бабка с опаской вытянула шею, осматривая с обрыва место предполагаемой стоянки.

- Только как туда спуститься?

А дети уже поползли вниз, стараясь поскорее освоить новое место. Спустились шустро и без труда, оставляя после себя полукруглые русла и съезжая вместе с песком. Но Нюра поняла, что так не сумеет. Она медленно пошла вдоль берега, подыскивая что-нибудь более подходящее.

- Ба, да не бойся, - кричала снизу Маруся. - Прямо садись и съезжай. Как с горки зимой.

- Ага, - не соглашалась старушка. - Легко сказать. Когда-то я последний раз с горки съезжала?

А дети уже забрались наверх и усаживали Ольгу. Ксения не стала ждать, когда её начнут уговаривать, сама съехала. У Ольги тоже получилось. И Нюра остановилась в нерешительности. Может, и вправду попробовать?

Эх, была-не была.

Бабуля подхватила свою юбку, устроилась поудобней, покрутилась чуть-чуть и... ничего. Не ехалось. Но тут Маруся с Митькой догадались в чём дело, подскочили сзади и подтолкнули немного. Один немного, вторая немного, и получилось многовато.

Ух! У Нюры аж дух захватило! Ветер в ушах запел что-то молодое и задорное. Так не пел он ей уже лет шестьдесят, если верить смутным подсчётам.

Но ноги вдруг встретили нечаянное препятствие в виде какого-то корня в песке и воткнулись в него. Но так как к этому времени бабуля уже набрала приличную скорость, то неведомая сила её подхватила, перенесла через препятствие, заодно перекувырнув в воздухе, и дальше старушка спускалась уже головой вперёд и животом вниз, распластав на лету руки по сторонам.

Все стояли, раскрыв рты, вытаращив в ужасе глаза. Почти все. Ольга с улыбкой любовалась, как ветер выворачивает ивовые листики наизнанку, а на бабку внимания не обратила.

И вскоре бабка приземлилась с глухим «пухх».

На несколько мгновений наступила тишина.

А потом послушалось тихое, может даже немного смиренное «ох», и Нюра зашевелилась.

С трудом поднялась, повернулась, окинула взглядом свой путь.

- Не... Если мы здесь останемся, то надо поискать другую дорогу. А пока давайте, что ли огонь разожжём...

- Это я сейчас мигом, - обрадовался Митька бабкиной живучести.

А Маруся побежала собирать сухие ветки. Их было немало – на песчаной косе росли ивы.

А когда языки костра весело заплясали, Ксения робко подняла голову на Нюру.

- Мне надо назад...

- Куда назад? – бабка чуть не задохнулась от неожиданности.

- В лес... К разбойникам... - Ксения опустила виноватые глаза.

Но её лицо было такое... Нет, она не плакала. Это у Маруси немилосердно защемило носу и покраснели глаза.

Ксения была переполнена таким количеством горького одиночества, что его почувствовала даже Ольга и болезненно заломила брови.

- Я потеряла...

- Что ты потеряла?

- У меня была птица-душа... Я её потеряла... В яме... Мне надо вернуться.

Так вот почему она едва шла, поминутно оглядываясь назад.

- А что это за птица-душа? – спросил Митька.

И Ксения сложила ладони вместе, потом чуть раскрыла их, словно бутон.

- Моя... Птица-душа.

Бабка только покачала головой. Что за птица – не догадалась и она, но оглядела девок и нахмурилась... Какие же они жалкие... Просто сердце разрывалось на куски.

«Сами вы как птицы... Побитые только...».¹

Глава 26

За непонятной птицей-душой одну Ксеню решили не отправлять, бабка с большой неохотой отпустила Митьку. Вот они на следующий день и пробирались по лесным чащобам. И по представлениям Митьки, были уже недалеко от цели, когда раздались мужские голоса.

- Тихо! – Митька схватил Ксеню за руку. – Слышишь?

Девушка часто закивала.

- Там дорога! Давай назад! – Митька потянул Ксеню за широкий поваленный ствол. Укрылись за ним и за частыми лесными кустами.

Вскоре показались всадники. Впереди чёрный лохматый мужик, рядом с ним лысый, позади ещё несколько человек верхом.

«Они!» - Митька расширил глаза и кивнул. Ксения кивнула в ответ. Замерли.

- Ускользнула, как змеюка между зубьями вил.

- Чума, слышь, я говорю, не иначе, как нечистая сила её вытянула из ямы.

- А я ночью кабудто что-то слышал...

- А чего ж ты не встал и не проверил, коли слышал?

- Да не... Я так... Показалось, наверное.

- А можжа, другую девку поищем? Мало ли на свете Ксений? Можжа, другая сойдёт?

- Другая не сойдёт. По всем приметам нам эта нужна.

- И где ж её теперича найти? Легче другую...

- Дурак ты, что ли? Если б было легче, давно бы уже взяли. Другим девкам нечистая сила не отдаст клад, потому как такое заклятие наложено Кудеяром.

- Ладно, Чума, понял...

- Хорошо, что хоть своё добро не потеряли.

- Не, ты видел, там то ли крот поковырялся, то ли ещё какой хрен? Они прямо рассыпаны были. И как их никто не заметил?

- Да в ту глушь никто и не ходит.

- Не скажи... Какой-нибудь охотник рано или поздно забрёл бы.

- Ну да... Это мы вовремя прибыли. А то остались бы при своих интересах.

- И девку упустили...

- Во змеюка. Я ещё тогда на неё глянул, даже оторопь взяла.

- Знать, не напрасно про неё молва идёт...

- Говорят, как на кого глянет, сразу нутро его увидит...

- Но это смотря какое нутро. Я, к примеру, на твою харю гляну, сразу угадаю, что ты пожрать не дурак.

Разговоры стали затихать.

- Это про тебя сейчас говорили?

Ксения в недоумении подняла плечи.

- Ты, что ли, чужое нутро можешь увидеть?

- Как это?

- Не знаю. Дураки, короче, эти разбойники. Идём.

Пошли дальше.

Нежданная встреча в лесу обрадовала. Значит, лиходеи отправились своей дорогой дальше, значит, никто им теперь не помешает.

К полудню дошли до озера. Долго прислушивались, приглядывались, но всё было тихо.

Пошли к избушке.

На этот раз она стояла, раззявив низкую дверь нараспашку.

- Бросили лачугу, - задумчиво произнёс Митька. – Глянь, а там яма выкопана.

Подшли ближе. У широкого дуба зияла неглубокая дыра, теперь кое-как закиданная землёй.

- Наверное, здесь они прятали своё золото... А Ольга нашла.

Но Ксеню не интересовала чужая яма, она уже хлопотала у своей - пыталась поднять крышку от подземелья.

- Погоди, дай я помогу.

Вдвоём быстро справились, откинули крышку, заглянули внутрь.

Теперь в свете дня можно было рассмотреть темницу. Хотя рассматривать особо нечего – глубокая, на дне солома, всё.

Никакую птицу Митька не увидел. Но это и не удивительно. Солома была изрядно перерыта то ли их ногами, то ли ещё чьими-то.

- Надо туда лезть. Слышь, Ксень? Я полезу, я быстрее.

Митька привязал длинную верёвку, связанную из нескольких коротких, к ближайшему дереву и мигом спустился вниз. Ксения легла у ямы, заглядывая через край.

- Ты хоть по сторонам посматривай, - наказал Митька.

И Ксения послушно завертела головой. Но в лесу было тихо.

- Нашёл что-то... Эта? – поднял Митька небольшую деревянную коробочку над головой.

- Не-ет.

- Что это такое? – Митька попробовал её открыть, но она не поддавалась. – Потом погляжу, - сунул за пазуху и снова зашуршал соломой.

- Это?

На этот раз находка была та, что нужно. Правда, Митька и в ней толком не разобрался, снова сунул за пазуху и полез вверх.

Глава 27

Григорий Фёдорович был брюхат, тонкогуб и щекаст. Он чуть брезгливо ковырялся своими толстыми пальцами в аккуратно разрезанных кусках пирога, привередливо выбирая то ли помягче, то ли помясистее. На лежащие рядом щипцы внимания не обращал, очевидно считая их недостаточно надёжными для этого дела.

В другое время Александр Андреевич на него второй раз бы не взглянул, поздоровался, пожал бы дряхлую руку и забыл до новой встречи, но сегодня держал старика в центре внимания, стараясь делать это неприметно.

Выбор пирога не мешал престарелому жениху рассуждать с Дарьей Васильевной о хозяйских делах. Александр пропустил начало их беседы мимо ушей, но как только забрызжал старик, поднял на него глаза.

- Дарья Васильевна, голубушка! Жена должна быть полностью повинной мужу, угодать ему во всём. А непокорная жена да будет... - Григорий Фёдорович всё же сдержался, но последнее произнесённое слово «бита» словно повисло в воздухе.

Александр перевёл взгляд на хозяйку дома.

Кажется, и ей речь будущего зятя пришлась не по душе. Она чуть поджала губы.

Григорий Фёдорович был уже в том возрасте, когда своё мнение не все считают нужным держать при себе. Вот временами и шокируют окружающих своей неприкрытой грубостью.

- Григорий Фёдорович, - Георгий Лукич отнял поднесённую было рюмку к губам, - вы уж слишком категоричны. Да и напугали, поди, моих дочерей. Они прекрасно понимают место женщины в семье, но...

- Вот и хорошо, если понимают. А то нынешняя молодёжь слишком дерзка.

Повило молчание.

Жених зачерпнул, наконец, румяный кусок пирога, сунул себе в рот. Георгий Лукич повертел запотевшую рюмку в руках, тоже опорожнил, потянулся за огурчиком. Тема, кажется, исчерпала себя.

Но нет. Екатерина нагнулась к Александру, тихо промолвила:

- Дикость какая-то. Жена, конечно, должна быть покорна мужу. Но дело это естественное, вследствие любви. Не так ли?

Александр промолчал. Он едва сдерживал гнев.

Гнев на жениха.

Муки ревности испытывать Александру ещё не приходилось, хотя он прекрасно понимал, что соперника возле себя никогда бы не потерпел. Но теперь другое.

Григорий Фёдорович – не соперник. Григорий Фёдорович – старый хрыч, громогласный, эгоистичный, глупый, требовательный, жестокий. Вспомнился паук, который ловит в свою паутину беззащитную муху и высасывает из неё жизненные соки. Так и этот. Как только новая жена войдёт в дом, то окажется полностью в его власти. И при одной мысли об этом, в душе у Александра всё переворачивалось.

Гнев на матушку.

Как Дарья Васильевна может быть такой жестокой к дочери? Неужели огромное состояние старика настолько затмило разум? Если же она помышляет о богатстве и свободе Анны в скором будущем, ведь Григорий Фёдорович в весьма почтенном возрасте, то тут она может сильно ошибаться. Он пережил уже нескольких жён, он рассчитывает жить ещё долго.

Гнев на Екатерину.

Такой неравный брак должен вызывать отвращение у любого разумного человека. А у старшей любящей сестры – тем более.

- Матушка, позвольте мне уйти, мне нездоровится... - наконец Анна подняла глаза. Весь вечер просидела в полном молчании, равнодушная ко всему.

И гнев Александра обратился на неё. Она не может вытерпеть один вечер рядом с этим стариком. Как она собирается с ним жить?

Что случилось с той весёлой, разумной девушкой? Конечно, она никогда не шла против родительской воли, но и жертвовать своей жизнью, своим счастьем в угоду корыстным интересам семьи тоже не стала бы.

- Ну что ты, дорогая! - казалось, из глаз Дарьи Васильевны полился ледяной поток, предостерегающий дочь, хотя слова звучали сладко. – Выпей ещё чаю, сейчас дурнота пройдёт.

И Анна снова опустила глаза.

После ужина хозяйка позвала всех за карточный столик.

Анна отказалась, уселась с вышивкой в кресло, Екатерина потянула Александра к фортепиано, ей хотелось сыграть какую-то сложную сонату, но нужна была чья-то помощь, чтобы переворачивать ноты.

Александр решил воспользоваться случаем.

- Ваша сестра, кажется, сильно изменилась.

- Некоторые девушки быстро утрачивают вкус к жизни. К сожалению, Анна из таких.

- Я слышал, она болела. Может, недуг окончательно её ещё не оставил? – Александр пытался понять.

- Ах, недуг - это только предлог. Она так и норовит сбежать в свою комнату. Как вам соната? Её сочинил Иоганн Бах.

- Прекрасно, - Александр оглянулся.

Григорий Фёдорович дремал в кресле. Анна подошла к матери, что-то тихо сказал, потом вышла из комнаты.

Всё. Больше от этого вечера ждать нечего. Вскоре и Александр засобирился домой, сославшись на позднюю встречу с Василием Михалевским.

Проезжая в экипаже по тускло освещённым улицам, он вспоминал только что проведённый вечер. Кажется, не придвинулся к цели ни на дюйм. С досадой покачал головой, хмуро повернулся к окошку и... замер.

По тротуару шла девушка в плаще.

Александр привстал, стараясь рассмотреть. Но было темно.

Ему показалось... Анна... Но этого не может быть.

Девушка свернула в ещё более тёмный переулок.

- Стой, - крикнул он вознице.

Выскочил из экипажа.

Конечно, это похоже на бредовое видение. Но... он должен проверить.

Глава 28

Екатерина остановилась перед зеркалом, поглядела на своё отражение.

По-прежнему хороша. Пышные светлые волосы, огромные голубые глаза, тонкая талия, белые плечи, высокая грудь.

Вдруг нахмурилась, подошла ближе, наклонилась вплотную.

Почти двадцать лет. И уже показались едва уловимые признаки надвигающейся зрелости. И это почти катастрофа. А чтобы она не обрушилась на её белокурую голову, надо в ближайшее же время устроить свою судьбу.

От ухажёров отбою никогда не было, с самого первого своего публичного бала она была в центре внимания. Но ухажёры ухажёрами, а женихи – это немного другое, и тут ей как раз и не везло.

Но теперь, когда папёнок пересмотрел вопросы приданого, когда младшей Анне выделил лишь чуть, перераспределив большую часть старшей дочери, многое должно измениться. Поэтому пришло время действовать. И срочно. До осени надо обзавестись женихом.

Барона Лихачевского лучше оставить. Слишком весел, слишком дорожит своей свободой, слишком любит девушек.

Екатерина увлеклась им немного, да и он всегда её выделял, но оба прекрасно понимали, что быть вместе не судьба. Он стеснён в средствах, она была с малым приданным. Теперь, конечно, дела с приданным у неё гораздо лучше, и Лихачевского это немного взбодрило, но вернулся Александр. И Александр в глазах Екатерины гораздо привлекательнее. Не внешне, тут как раз они оба хороши, а если учитывать их состояния.

Сегодня она постаралась ненавязчиво ему себя показать.

Но, кажется, былая привязанность всё ещё не оставила Александра окончательно. Екатерина уловила несколько тревожных взглядов в сторону младшей сестры.

Хотя смотреть там вовсе не на что. Жалкое зрелище эта её сестра Анна. Тоща, бледна, уныла. Кажется, вот-вот подхватит чахотку, и закончатся её мучения на этом свете.

И как только жениха нашла в таком состоянии?

Но это, конечно, матушка похлопотала. Сама Анна и комара бы не поймала, не то что такого толстосума, как господин Усанов.

О!!! Какой же мерзкий старик.

И если подумать и включить воображение, то сестрице можно только посочувствовать. Но - Екатерина тряхнула локонами, - думать надо о себе!

Подхватив юбки, девушка направилась к матери. Та всегда была на её стороне, что-нибудь сообразит.

Дарья Васильевна сидела в своей комнате тоже перед зеркалом, расчёсывала всё ещё густые, но уже изрядно поседевшие волосы.

- Матушка, позвольте, я, - Катя выхватила гребешок из рук матери и стала старательно елозить по её голове.

- Да, дорогая. Так хорошо. У меня у самой разболелась голова. Ты слыхала эту дерзкую?

- Анну?

- Ну кого же ещё? Столько усилий потрачено, чтобы устроить её брак... В её-то положении польститься не на что. А Григорий Фёдорович вполне достойный человек, а она?

- О, да!

- Она же всё готова разрушить своими руками. Голова у неё, видите ли, болит. Ну давай, раз болит, завтра утром вызовем доктора. Пусть выпишет пилюли.

- Да притворство всё это.

- А я о чём толкую? Конечно, на кровати валяться целыми днями приятнее. Только под лежащий камень вода не течёт. А Григорий Фёдорович он излишне прямолинеен, конечно. Слышала? Ну что же, в его возрасте да с такими капиталами многое сходит с рук. Вот он и привык. Как говорится, правду-матку в глаза...

- Матушка, но сегодня он уж слишком.

- Дорогая, а кто из нас без греха? Сильные мира сего имеют право... Анна сама виновата, что дошла до такого...

Дарья Васильевна резко замолчала. К досаде дочери. А ей уже давно хотелось знать, что же такого натворила сестра. Да разве матушка просветит?

- На следующей неделе собираемся в деревню.

Катя опустила руку с гребешком. Вот так отыскала жениха! Теперь в деревне будет комаров всё лето кормить.

- Матушка, а мне там что делать? – яснее Екатерина выразиться не могла, но любящее материнское сердце прекрасно уловило тревогу.

- Дорогая, Александр Андреевич, прощаясь, заявил папеньке, что перебирается в деревню в поместье своего покойного деда принимать дела. А я уверена, что эти дела его задержат до самой осени. Это же ведь такое большое хозяйство. За ним глаз нужен. Вот и будет с нами по соседству такой добрый молодой человек.

Это уже другое дело, - обрадовалась Катя.

- А как же бал у Добровестовых?

- На бал мы обязательно попадём. Ещё бы - последний в сезоне. Ты, дочь, на нём должна блистать.

- Маменька, я надену новое голубое платье.

- Конечно, моя дорогая, ведь мы его сшили специально для этого случая.

- Вот только...

- Что, дорогая?

- Да нет... Я так...

- Говори.

- Просто подумала, как кстати смотрелось бы с этим платьем сапфировое ожерелье.

- Бабушкино?

- Ах, зачем бабушка подарила его Анне? Нет, я рада за неё. Но это не честно... Нет.. всё правильно... Так пожелала бабушка. Она Анну любит... Прости меня, мама, я такая гадкая.

Катя села на стул и закрыла лицо ладонями.

Дарья Васильевна задумчиво посмотрела на отражение дочери в зеркале.

- Я что-нибудь придумаю.

Глава 29

Анна с таким трудом вырвалась из дома и теперь боялась, что страшно опаздывает. Свернув в очередной тёмный переулок, она на минуту остановилась, растерянно огляделась по сторонам, точно ли туда свернула? Но, кажется, всё верно. И дальше побежала.

Начался небольшой дождь.

В тёмных местах она всё же задерживала шаги, опасаясь споткнуться на деревянном настиле. Временами же из окон ближайших кабаков вырывался свет, и Анна бросала взгляд на доски под ногами и свою серую юбку, на которой успевали блеснуть капли дождя, прежде чем она снова ныряла в темноту.

«Ах, только бы он дождался...».

- Задерживаетесь, дамочка! - грубая рука вынырнула из какой-то подворотни, грубо схватила её, останавливая бег.

Анна испуганно ахнула, но тут же почувствовала облегчение – успела.

- Принесли?

- Да. А ребёнка?

- Пошли...

И Анну невидимая рука потянула в темноту.

Александр всё больше чувствовал себя глупо – преследует в ночи бедную женщину только потому, что та похожа на его невесту.

Вспомнилось, как часто он видел знакомые черты у европейских девушек, когда был вдалеке от дома. Но тогда хватило ума не гоняться за незнакомками. Теперь вот, кажется, с ним стало всё плохо.

Он пообещал себе, что теперь, раз он зашёл так далеко, то просто доведёт женщину до её лачуги и повернёт обратно. А о своём сумасбродстве никому не расскажет, вот и получится, будто его и не было.

Когда та в очередной раз нырнула в полную тьму, он особо и не напрягся, но тут услышал приглушённый вскрик. А когда поспешил следом, женщины уже не было. Он её упустил.

Расстроенный и растерянный остановился. И что дальше? Возвращаться к экипажу?

Но сердце тревожно заныло. Нет. Если даже в беду попала несчастная бедная незнакомка, он всё же должен попытаться ей помочь.

Замер. Прислушался.

В стороне приглушённые голоса. Шум.

Он бросился туда, теперь уж не скрывая своего присутствия. Хватит прятаться.

- Пустите меня... Как вы смеете? Остав...

Голос прервался, слова перешли в мычание, словно девушке закрыли рот.

Анне. Голос был её.

Александр вихрем налетел на копошащиеся фигуры, обхватил одной рукой тонкую девичью талию, кулаком ударил куда-то вверх. Попал. На ощупь показалось, что в лицо.

Мужчина ругнулся, отпрянул и побежал. Александр несколько мгновений прислушивался к удаляющемуся топоту.

- Не бойтесь... Я не причиню вам вреда...

Торопливо полез в карман за огнивом. Трут вспыхнул и на несколько секунд осветил заплаканное лицо девушки.

- Анна...

- Понимаете... Ах, разве кто-то сможет это понять? Такой ужас... Но с тех пор я ищу своё дитя. Я прохожу мимо нищих и заглядываю в их свёртки. Но как мне узнать теперь? Столько времени прошло. Одна лишь верная примета – золотистое родимое пятнышко. Цветок с тремя лепестками. Один чуть длиннее и погибает в сторону. Повитуха, словно предчувствовала, словно её ангел направил, показала мне его...

Анна уже чуть успокоилась, перестала плакать и дрожать, тихо рассказывала. Всё.

Лошадка медленно брела по ночным улицам, возница временами чуть трогал её хлыстом, когда она уж совсем сбавляла шаг. Вознице Александр приказал просто ехать.

- Я не могу есть. Какое право я имею тянуть свою руку к... еде, когда неизвестно, покормили моего ребёнка или нет? Я не могу спать. А вдруг болезнь? А если нищие изуродовали?.. Я слышала ужасные вещи... Я стала спрашивать... Один... обещал мне помочь... сегодня вечером... Результат вы знаете...

Анна долго рассказывала. Александр долго слушал. Наконец вздохнул.

- Это жулик. Он воспользовался вашей бедой, попытался обмануть. Анна, ваша мать – женщина, конечно, суровая, но она не могла уготовить такую страшную участь младенцу. Ваши страхи необоснованны.

- Вы думаете?

- Я так думаю.

- А где он может быть?

- Это нам предстоит узнать... Вместе. Скажите, родная, кто у меня есть? Сын или дочь?

- У вас? – она не одна. Тихая радость вошла в сердце. Теперь она не одна. - Дочь...

В этот вечер у Анны появилась надежда, крепкая, как плечо любимого мужчины.

Засыпая, она и не заметила, что её губы тронула лёгкая улыбка.

И это несмотря на то, что она потеряла бабушкино ожерелье из сапфиров.

Анна думала, что тот жулик приведёт её к ребёнку, как обещал. Но он её просто ограбил.

Глава 30

- Поешьте сначала, потом расскажите, - хлопотала бабка вокруг вернувшихся Митьки и Ксени. – Мы тут с девками рыбы наловили – прорву, я, во, её в глине запекла. А то всё уха да уха...

- И Ольга ловила?

- А как же? Рыба как пошла косяками, мы с Марусей только успевали на берег выкидывать. Маруська на удочку ловила, а я в корзину. А Ольга на бережку сидела, рыбку разглядывала да обратно в речку бросала.

Митька хмыкнул, поглядел на девушку. Та, наклонив голову набок, наблюдала за божьей коровкой, которая раскрывала крылышки, пытаясь взлететь, но не взлетала. Видать, никак не решалась.

- Оно и правильно, ежели подумать. Куда нам столько? Это всё от жадности моей. Пропала бы только. Лучше следующий раз свежей наловим. А вы ешьте, ешьте, да рассказывайте. Мы уж так тряслись, пока вас не было... Страшно...

- Чего страшного?

- Боялись, что вы пропадёте, - пояснила Маруся.

Митька взглянул на рыбу, лежащую горкой на зелёных лопухах, потянулся за ближайшей. Маруся с Ксеньей потянулись следом. Бабка поставила Ольге на колени миску с уже разломанной на мелкие кусочки рыбой – без костей.

- Не-е, нормально всё, - начал Митька свой рассказ. - Разбойники уже ушли от озера. Бросили свою землянку. Мы их и видели, и слышали. Как раз за кустами сидели, когда они мимо проезжали. Вроде, другое место себе будут искать. Про Ксению что зря говорили.

- Как это - что зря?

- Как будто какой-то Крутояр клад оставил, и только Ксения его может найти. Мол, такое заклиние он наложил. Ба, а ты знаешь, кто такой Крутояр? Я, кажется, слышал...

- Да откуда мне знать? Тоже слыхала что-то... был, вроде, разбойник какой-то. А этот ли Крутояр, ай другой какой? Но другого не знаю.

- И он клад прятал?

- Ну, коли разбойник, значит, прятал. Да, наверное, и не один.

- А почему только наша Ксения его может добыть?

Бабка взглянула на девушку. Ксения побледнела, положила рыбу назад в общую кучу, опустила виноватую голову, готовая на себя принять громы и молнии.

Но бабуля только тяжело вздохнула.

- Не знаю. А, может, ты что-то не так понял?

- Может, и не понял. Ксень, а ты поняла?

Но девушка замотала головой.

- Да ты ешь, - спохватилась бабка. – Мало ли что дуракам померещилось?

- Ба, а что ты про клады знаешь?

- Да почти ничего. Люди говорят, что есть просто клады, это когда кто-нибудь спрячет на время богатство, и лежит оно в земле, своего часа дожидается. А есть зачарованные. Такие найти мудрено. А ещё мудрёнее самому остаться в живых.

- Как это?

- По-разному, Мить. Например, один закопал и заклинул на семь лет. Или на сто. Вот клад и ушёл глубоко в землю, а через семь лет, или через сто, снова поднимется из глубины. И его уже можно взять. Но не лишь бы кому.

- А кому можно? – распахнула Маруся глаза, приготовившись услышать страшные истории.

- Бывает, что простому человеку он сам покажется. Например, в лесу петух красный выйдет навстречу, или девка, или старик, или ребёнок заплачет. Только это на самом деле не петух, не девка и не старик, а сам клад. И коли догадаешься, что это не просто так, да не испугаешься, да толкнёшь легонько этого зверя или человека, тот и рассыплется кубышкой с монетами.

- Так просто? – обрадовалась Маруся, что страшного было лишь чуть.

- А бывает не просто, бывает хозяин клада помудрёнее зачаровывает его, когда хоронит.

- Как?

- Да как захочет. И тут уж, если не знаешь, какое заклинание положено, то лучше за кладом даже не соваться. Потому что нечистая сила его охраняет и человеку просто так не отдаст, а запросто погубить может. Бывает, что заклиняют на двенадцать голов. Или на сорок.

- А что это значит?

- А значит, что двенадцать душ, которые тот клад найдут, должны погибнуть, или сорок, а потом уже можно будет взять клад.

- Значит, тринадцатый возьмёт? Или сорок первый? – Митька хорошо умел считать.

- Правильно.

- А ещё какие заклинания бывают?

- Да откуда мне знать? Бывают случаи, когда заговаривают на человека, мол достанется тот клад сиротке, у которой судьба горше всех на свете, чтобы та сиротка молилась бы о спасении души разбойника. Бывают кровавые заговоры, - но тут Нюра заглянула в огромные Марусины глаза и сама себя перебила, - но об этом я вовсе ничего не знаю.

- А ты когда-нибудь находила клад?

- Я? - ахнула Нюра. – Да где уж мне? Да и не надобен он. Что я с ним буду делать?

- А ты же землянку в лесу хотела? Вот и пригодился бы...

- Да... - глаза бабки затуманились, она надолго замолчала, мысленно любуясь своей воображаемой землянкой. Потом спохватилась. - Да и правда всё это? Так, сказки, может.

- А ещё разбойники сказали, что про Ксеню слух идёт.

Нюра снова взглянула на девушку.

- Ну понятное дело, что слышали они что-то про Ксеню, раз гоняются за ней. Ты с ними раньше где-нибудь встречалась? – обернулась бабка к девушке.

Но Ксения так замотала головой, что у Нюры у самой шея заболела.

- Разбойники сказали, что она чужое нутро может разглядеть, - попробовал подсказать Митька.

- И ничего я не разглядываю! - впервые в голосе Ксени послышалось возмущение такой несправедливостью.

Но тут бабка решила подальше отвести от Ксени вопросы про разбойников.

- Так вы нашли душу-птицу?

- Нашли, - кивнул Митька.

- Покажешь? – Марусины глаза теперь распахнулись навстречу девушке.

И Ксения кивнула, чуть улыбнулась и полезла за пазуху.

Сначала никто ничего не понял. На деревянной подставочке торчал металлический закрытый бутон с зелёными, плотно прижатыми друг к другу лепестками.

Но Ксения вынула снизу маленький ключик, вставила опять же куда-то внизу, провернула ключик несколько раз и поставила штуку на песок среди их компании.

Несколько мгновений ничего не происходило. А потом вдруг полилась чистая печальная музыка. И не сразу сообразили, что она раздавалась из этой штуки.

А потом лепестки дрогнули и бутон стал медленно раскрываться. Все с восторгом уставились на это чудо. А там внутри оказалась белая птица – лебедь. Она вскинула свои крылья

и закружилась то ли в танце, то ли в полете. А музыка звучала, трогала душу, пела печальную и прекрасную мелодию.

Она услышала зов. Он доносился из-за двери. Она с трудом отвела взгляд от крыльев. Верхние ярко-красные с чёрными точками были гладкие, блестящие, но нижние другие. Нижние чёрно-прозрачные, кружевные. Она долго рассматривала их чудный узор, но звуки отвлекли. Она оглянулась.

Дверь чуть дрогнула. С обратной стороны её что-то толкало. Эти звуки. Эта мелодия. Она её когда-то слышала. Её душа знала, её пальцы зашевелились, словно побежали по невидимым клавишам. На мгновение перед глазами закружились пышные складки голубой кисеи.

Ей захотелось заглянуть за дверь. Она приблизилась, потянулась к блестящей ручке и замерла в ужасе...

Она забыла?

Там – страшно. За дверью плохо. Пока есть дверь, она в безопасности. Если она туда выйдет – она погибнет. Она уже погибала... Когда-то...

Она отпрянула. Надо держаться от двери подальше.

Но смутно-знакомые звуки били в дверь. Всё сильнее и сильнее. И дверь задрожала, и Она испугалась, что доски рассыпятся, и закричала от ужаса.

Глава 31

Крик был пронзительный и отчаянный, он бабке напомнил недавнего зайца. Вот только кричала Ольга.

Все вскочили, пытаясь понять, что происходит.

- Укусило? Ольга? Где болит?

- Болит... болит... болит... - Ольга закрыла голову руками и стала раскачиваться из стороны в сторону. С колен посыпались куски рыбы, за ними шмякнулась и плоска в песок.

- Ба, она разговаривает...

- Ольга, где болит?

А нежная мелодия всё звучала, и лебедь продолжал кружиться в танце-полёте.

Первой догадалась Маруся.

- Ба, это душа-птица. Это песня... - от волнения она не могла толком объяснить, но Нюра поняла.

- Ксень, останови музыку.

Но музыка не останавливалась. Тогда девушка схватила свою игрушку и побежала подальше, спряталась за ивами и оттуда стала перепуганно выглядывать.

- Тише, тише, Олечка, - не менее напуганная Маруся пыталась обнять девушку за вздрагивающие плечи.

А Нюра уже тянула из речки воду, стала брызгать в лицо. Митька растерянно топтался на месте. Он совсем не понимал, чем может помочь.

Долго-долго не могла успокоиться Ольга. Уже душа-птица давно отпела и оттанцевала своё, закрыла зелёные лепестки, и Ксения спрятала её снова за пазуху, подальше от глаз. А Ольга всё ещё плакала.

Наконец усталая головка склонилась на бабкины колени, мокрые ресницы тяжело легли на опухшие веки, Ольга судорожно вздохнула и затихла.

- Заснула? – прошептала Маруся.

- Кажись, да.

Всем тоже уже пора было ложиться, закат догорал. Но Нюра долго боялась пошевелиться. И когда дети натаскали охапки травы, сверху кинули рваную рубаху, бабка осторожно переложила девушку.

- Во беда, - прошептала детям. – Так и не поела ничего... Что это было?

- Ба, ты слышала, она разговаривала.

- Слышала... Кабы это не исполох у неё...

- А что это исполох?

- И-и-и, - махнула бабка рукой. – Ничего хорошего... Болезнь такая...

- И что теперь?

- Не знаю... Спать пора.

Две бессонные ночи подряд дали о себе знать. Глаза просто закрывались, и все кинулись готовить подстилки. Кто ближе к костру, а Маруся поближе к бабке.

Митька заснул, кажется, даже раньше, чем голова коснулась ароматной травы.

- Ба, а что завтра? – поинтересовалась Маруся.

- Завтра надо бы в деревню сходить. Может, соли да сухариков заработаем.

Но Маруся ответ уже не слышала.

Вскоре и Ксения тяжело задышала. А бабка смотрела, как костёр сердито трещал ветками, как от этого треска золотые искры вырывались из пламени и уносились к звёздам, но по дороге уставали и гасли.

Вдруг послышалось невнятное бормотание.

Нюра только что, кажется, задремала, теперь дёрнулась, села. Митька на другой стороне костра тоже сел, стал вертеть взлохмаченной головой, спросонья не понимая, что его разбудило.

- «Сарабанда» господина Генделя способна ввергнуть мою душу в меланхолию.

Ксения сидела прямо, глаза её были широко открыты, но... взгляд невидящий, страшный. Произнесла непонятные слова, она, словно исполнив, наконец, последнее дело за день, улеглась калачиком на своей подстилке и затихла.

- Что она сказала? – Митька хмуро поглядел на Нюру.

Та молча подняла плечи к ушам.

- По-немецки, кажись...

Глава 32

- Ах ты, паскудина! Опять явилась! Что на этот раз принесла на хвосте? Какую теперь нечаянную радость? Иди, давай, рассказывай, а я пока твои лохмы выдирать буду.

Нюра оторопела, когда поняла, что это к ним направляется баба с такой речью. Подхватив по дороге какую-то жердь, женщина замолчала, но приближение её от этого не стало более приятным.

- Акулина! – закричала другая баба через забор. – Акулина, брось палку. Покалечишь ведь, дура!

Но Акулина не послушалась. Губы её сжались от напряжения в ниточку.

- Девка! Беги, пока цела... – баба за забором кричала уже, кажется, им.

Растерянная Нюра повернулась к Ксене. С ней они пришли в деревню заработать, и вот такая незадача.

Ксения, похоже, и сама уже догадалась, что ей сейчас попадёт, голову опустила, спину согнула колесом, руки подняла над головой - приготовилась.

Нюра шагнула к бабе с палкой наперерез, тронула за локоть.

- погоди... Ты попутала... должно быть...

Но баба с раздражением дёрнула рукой и намахнулась на Ксению.

Нюра сделала невероятный прыжок, обгоняя бабу, и перекрыла ей путь.

- Ксения, беги... Беги назад... к Митьке... - замахала руками и с облегчением увидела, как подхватив повыше свои дранные юбки, Ксения запылила по дороге в ту сторону, откуда они недавно пришли.

Женщина какое-то время бежала за ней, но возраст и тяжёлая комплекция не дали шансов. Обернулась и с поджатыми губами направилась к Нюре.

- Да ты, никак, ополоумела, бабонька? - Нюра зло прищурила глаза навстречу.

Что такое? Не бывало ещё на её веку, чтобы палками встречали. И на старости своей, может, и пришлось, да, видать, и придётся, хлебнуть немало горечи, но это уже перебор.

И чужая баба дрогнула. Сначала во взгляде исчезла решимость, потом и рука с палкой опустилась. Баба вильнула в сторону и ушла своей дорогой, бормоча что-то недоброе.

Нюра растерянно оглянулась. И куда теперь? Назад, вслед за Ксенией? Или дальше идти? Вот это подзаработали сухариков.

- Бабонька, ты не серчай.

Нюра едва не подпрыгнула от неожиданности. Совсем забыла, что через забор за всей этой картиной наблюдала ещё одна местная жительница.

- Оно, ежели подумать, и Акулину понять можно... - продолжила та и отворила калитку, - зайди ко мне, кваску испей, да Расскажи, куда путь держишь.

Нюра завернула в чужую калитку.

- Во, садись сюда в тенёк под яблоню... Анфиска! - крикнула в сторону, - принеси-ка из погреба кваску холодного да краюху хлеба.

Вскоре шустрая белобрысая девка поставила на лавку возле Нюры глиняный кувшин с кружкой, побежала за хлебом.

- Благодарствую, бабонька... Не знаю, как зовут...

- Дуней зовут. Садись на лавку, чего стоишь? Отдохни. Испугалась, небось...

- Да... испугалась. А как же? Треснет по башке такая во, а потом всю жизнь буду ходить - улыбаться, - не к месту на ум пришла Ольга. Может, её тоже кто саданул? – А меня Нюрой зови... А Ксения... либо у вас тут уже бывала раньше?

- Бывала... да и не раз.

- Либо натворила чего?

- Да как тебе сказать? Так сразу и не ответишь... А она тебе кто? Раньше, вроде, всегда одна ходила.

- А я тебе обо всём тоже не сразу скажу... Я вот, как и ты, жила, и ни думала, ни гадала, что придётся по дорогам, как нищенке ходить.

Нюра с тоской оглядела чужую хату с соломенной крышей, огород, яблоньку, курочек с петушком. Вздохнула.

- А что же случилось? – на Нюру глянули бледно-голубые глаза, и в них бабка увидела доброту и сочувствие.

- Рассказать ежели по правде, ты не поверишь... Я, вроде как, даже сама из хаты ушла. Не гнала меня невестка... Ну и что, что щами облила? Чего сгоряча не сделаешь? А когда я опомнилась, возвращаться уже не стала.

Нюра вздохнула. Вздохнула и слушательница.

«От хорошей жизни, небось, не ушла бы». Вслух не сказала, подумала.

- А Ксения по дороге нашлась. Теперь мы вместе. Так, вроде, она девка смиренная. С какого перепугу её тут палками встречают?

- Так её у нас тут по-разному встречают. Кто с хлебом-солью, в избу зовёт, а кто прочь гонит. Ты либо про неё ничего не знаешь?

Бабка глянула немного испуганно.

«Сарабанда» господина Генделя способна ввергнуть мою душу в меланхолию».

Вчерашние непонятные слова в памяти не всплыли, не было у бабки места в голове, где бы их хранить, но страх свой вспомнила.

Это всё равно, как если б лошадь заговорила. Не... может, конечно, не совсем лошадь... Но тоже страшно.

- Вижу, что не знаешь, но догадываться начала, - покачала головой Дуня.

- Даже пока не догадываюсь.

- Ну тогда я тебе расскажу, для чего её тут люди к себе в хаты кличут. А ты всё и поймёшь... Что понять нам можно... А так, конечно... во всей этой истории больше непонятного... Да ты бери хлеб, ешь.

- Не-е. За квас благодарствую, а хлеб я ещё не заработала.

Дуня взглянула немного по-другому на свою новую знакомую.

- Ишь ты... Никак на заработки к нам завернула?

- Ну да... Может, найдётся дело...

- Найдётся... Поможешь мне грядки прополоть?

- Помогу.

- Ну так пойдём. И там-то, в огороде, поговорим.

Глава 33

- Как нет?

- Матушка... - Анна задрожала, - кажется, я его не положила на место, вот и...

- Ты не положила на место драгоценное ожерелье? Ты его бросила, как безделушку? Бабушкин подарок?

- Матушка, я его обязательно найду.

- Ищи, - голос Дарьи Васильевны мог показаться спокойным. Но Анна знала, какая ярость скрывается за этим спокойствием. – И тебе же будет лучше, если к вечеру его найдёшь. Я попозже вернусь.

Дарья Васильевна вышла. Анна опустилась в кресло, закрыла лицо ладонями. Лучше бы ей к вечеру провалиться куда-нибудь подальше от всех.

Привычная горячая вина обожгла душу. Теперь она ещё и ожерелье не уберегла. Да что это с ней? Есть ли на свете более глупые люди? Вспомнился презрительно-холодный взгляд матери, и сердце подсказало новые характеристики для себя – есть ли на свете более мерзкие и гадкие? Как тут не согласиться с мнением матери, которое оно прочитала в её глазах? И Анна согласилась...

Но потом...

Сердце переполнилось горечью. Впиталось ею сполна, едва не замерло, уже навсегда, и отторгло вину, несогласное с ней.

Всё!!! Это уже слишком! И ожерелье – всё же её вещь, она вправе распоряжаться им по собственному разумению. Бабушка, подарив, пожелала, чтобы оно принесло ей счастье. Вот она и попыталась своё счастье найти.

Матушка...

Матушка не такой уж и друг, как твердит с детства.

«Я желаю тебе добра!» - вспомнились её обычные заключения после наставлений и распоряжений.

А какое добро она обрела?

Она потеряла своё дитя. И какое может быть теперь счастье?

По мнению матушки, жизнь с богатым деспотичным стариком – вот её удел.

«Ах, матушка... Вы не правы... Ваша забота стала невыносимой для меня. Отныне я сбрасываю её со своих плеч. Вы... не мой друг. Да, я натворила бед. Да, я виноватая. Да... я не буду ни в чём Вас упрекать. Вы сделали так, как посчитали правильным... Но позвольте же и мне стать хозяйкой своей жизни... Всё...».

Анна подошла к зеркалу, взгляделась в своё отражение. Ужаснулась. Это она? Когда она стала такой страшной?

Как же так? Каждый день смотрится на себя и не видит?

Сегодня бал. Последний в этом сезоне. Сегодня она увидит Александра, и он обязательно ей что-нибудь скажет. Что-то... если не доброе, значит, ободряющее... Он мужчина. Он многое может.

Теперь у Александра был не только старый Гаврила, теперь у него было около двух десятков слуг. В деревенском поместье гораздо больше, но в городе для холостяка много не требовалось.

И первым серьёзным распоряжением молодой хозяйин озадачил своих людей. И чрезвычайно заинтересовал.

- Плачу сто рублей золотом, - заявил он своим работникам. – А если выполните моё распоряжение на этой неделе, то сто пятьдесят.

Это было невероятно. Гаврила покачал седой головой, и вечером, когда стелил Александру постель, буркнул неодобрительно:

- Не доводись... лёгкому человеку... отцово богатство.

Яснее выразиться не посмел, хотя позволял себе многое, так как был с Александром с его малых лет.

- Ох, Гаврила, да я бы гораздо больше отдал за эту вещь.

Гаврила задумался, застыл со свечой в руке.

- Ну... коли так... тогда я тоже поспрашиваю знающих людей. Какое, говорите, ожерелье? Серебристое, с голубыми камушками? Может, и найдётся...

И в последующие дни несколько десятков Андреевых слуг, наскоро выполнив свои домашние дела, спешили по городу, обращались к своим знакомым, расспрашивали, выискивали. Нашли.

Нашёл всё тот же Гаврила.

- Барин, говорят, у Петьки, сына сапожника на Кузнецкой, появилась интересная вещица. Он её норовит продать, да покупатель пока не находится. Больно много просит.

- Много просит, говоришь? Пойдём-ка на Кузнецкую, купим...

Глава 34

Анна вслед за матушкой и старшей сестрой поприветствовала хозяйку бала и поспешила дальше, в ярко освещённый нарядный зал, где уже толпилось множество народа.

Анна оглядела присутствующих, надеясь увидеть Александра, и почти сразу же наткнулась взглядом на своего жениха.

Господин Усанов поспешил к ним выразить своё почтение.

Настроение испортилось. Анна понимала, что впереди непростой разговор с Григорием Фёдоровичем, но на балу он, разумеется, неуместен. Хотя, приняв решение, девушке не терпелось покончить со своей помолвкой.

Но это будет уже неприкрытый бунт. И пойти на такой шаг безумно страшно. И что из этого получится – совсем непонятно.

Анна долго размышляла.

Почти вся её жизнь – это следование указаниям матери. И это правильно – все так скажут. А она теперь засомневалась. Потому что впереди на указанном матушкой пути – пропасть, где ей не хочется пропадать. Ещё несколько дней назад было почти всё равно, теперь не хочется.

Поэтому она сворачивает на свою дорогу. Правильную или нет, неизвестно. Если бы знать заранее, то никто бы не ошибался. Но всё гораздо сложнее.

Что же, пусть будут сложности, она их постарается храбро встретить.

И с первой уже столкнулась, когда перед балом заявила матери, что ожерелья нет. Она его потеряла...

Дарья Васильевна сжала губы, глаза её метнули молнии.

- Сегодня на балу будешь или в сапфировом ожерелье, или с голой шеей. Выбирай сама. Вышла из комнаты.

Но Анне неожиданно стало легко. Чего ей бояться? Наследства лишили, приданого почти нет, в отношениях бесконечный холод. Хуже уже некуда.

Бабушка, правда, что-то хлопочет. Но она далеко.

При первых звуках полонеза Григорий Фёдорович поспешил улизнуть в мужскую комнату – танцевать он не любил, и Анна облегчённо перевела дыхание.

- Матушка, кажется, Александр Андреевич к нам идёт, - Катя заиграла ямочками на щеках.

Сердце Анны забилося. После безумных ночных блужданий по городским трущобам она с ним не общалась. Правда, он приезжал к ним с визитом, но её тогда не позвали. Она видела его из окна.

- Добрый вечер, сударыни, рад вас видеть в добром здравии, - поклонился Александр.

Екатерина протянула руку, Анна ограничилась реверансом.

- Прошу прощения, что прервал вашу беседу. Позвольте пригласить Вас на танец.

Екатерина уже благосклонно заулыбалась, когда поняла, что пригласили не её. Улыбка заледенела на её лице, пока взглядом провожала младшую сестру в центр зала.

- Матушка, что это? – зашипела со злобой.

- Это дерзость, дорогая. К сожалению, Анна приобрела этот порок... И не только этот.

- Как ваше здоровье? – Александр внимательно взгляделся в лицо Анны.

- Благодарю... Почему вы спрашиваете?

- Вы не вышли из своей комнаты, когда я в последний раз приезжал. Екатерина сказала, что вы плохо себя чувствуете.

- А... Нет-нет, я чувствую себя хорошо.

- У меня для вас сюрприз.

Сердце Анны на мгновение замерло. Ребёнок!..

Но это оказалось ожерелье. Александр с улыбкой вложил его Анне в ладонь.

Девушка постаралась скрыть невольное разочарование. Ах, какая она неблагодарная.

- Как? – улыбнулась Александру. – Как вам удалось его найти?

- Это мой камердинер Гаврила постарался.

- Передайте Гавриле... - Анна задумалась. – Передайте ему, что он очень хороший человек.

Александр засмеялся.

- Он, кажется, и сам такого же мнения о себе. Ну что ж, воля ваша. Пусть ещё выше задирает свой нос и дальше немилосердно тиранит меня своими наставлениями.

Анна зажала ожерелье в ладони.

На балу она одна была без украшения на шее. От этого девушка чувствовала себя неловко.

В перерыве между танцами Анна вошла в дамскую комнату, остановилась у зеркала. Надеть?

Повернулась к горничной.

- Помогите мне.

Когда Анна вышла из уборной, её облик неуловимо изменился. Она была всё такой же худенькой и немного бледной, но...

Может, голубые камни отразили множество свечей, подчеркивая небесный оттенок её глаз? Может быть, лёгкий румянец выступил на щеках от волнения и жары? А может, к девушке вернулась радость от того, что жить на свете – прекрасно. Даже если плечи тяготят прошлые ошибки.

- Матушка, она в ожерелье!

- Вижу.

- Она обманула вас?

- Похоже, да. Вот и ещё один порок раскрылся, - Дарья Васильевна поджала губы и в изумлении покачала головой.

Глава 35

- Господин Лихачевский, как вы смеете приглашать меня на два танца подряд? Посмотрите, пожилые дамы склонили друг к другу головы, не иначе, нас осуждают, - но за улыбкой Кати не маскировалось настоящее возмущение. Наоборот, настроение её поднялось, как бывало неизменно, когда барон Лихачевский оказывался поблизости.

- Ах, Екатерина Георгиевна, посмотрите на свою сестрицу, она, кажется, вновь приняла приглашение господина Таруханова и от этого нисколько не смущена. А ведь за какой-то из колонн прячется её жених.

Катя невольно усмехнулась. Дерзость барона ей импонировала. Он умел называть вещи своими именами, не оглядываясь на чужое мнение, и умел это делать смешно.

- Тем более, сегодня последний бал. Теперь разъедемся по поместьям и увидимся не скоро. А я по вам непременно буду скучать.

Катя чуть испуганно оглянулась – никто не слышал? Легко стукнула веером по руке мужчины.

- Ах, как вы можете так говорить?

- Как я могу так думать? – лучше спросите вы. А ведь я сейчас очень искренен. Без вас вечера буду однообразны и неинтересны. Потому что большинство окружающих девушек слишком добродетельны и скучны.

И хоть Кате польстило, что такой видный молодой человек выделил её из толпы девушек, она всё же предпочла перевести разговор на нейтральную тему.

- Да, через несколько дней будем в пути.

- Поместье вашего батюшки, если не ошибаюсь, в Орловской губернии?

- Не ошибаетесь.

- А в каком уезде? Мой приятель Валенский где-то там проживает. Всё к себе в гости зовёт.

- Валенский? Кажется, что-то знакомое... - Катя смутно припомнила молодого человека и какой-то скандал вокруг него, связанный то ли с дуэлью, то ли с женщиной, а скорее всего и с тем, и с другим сразу.

- В последние годы он из своей деревни не выезжает. Так что, летом, может быть, я до него доберусь, и мы встретимся с вами на просторах Орловской губернии.

Катя смутилась, слова барона словно намекали на свидание.

- Думаю... папенька будет очень рад видеть вас в гостях, - торопливо пробормотала она. И барон Лихачевский засмеялся. Громко и весело.

И ближайшая пара пожилых дам неодобрительно переглянулась.

- При чём тут ваш папенька?

Чуть прищуренные наглые глаза Лихачевского заставили щёки покрыться румянцем. Но ненадолго. Танец заканчивался.

Вечером Катя открыла дверь в комнату сестры.

- Ещё не спишь?

Та не спала, сидела перед туалетным столиком.

Катя остановилась на пороге, с едва заметной улыбкой рассматривая младшую сестру.

- То помирать собиралась, а сегодня на балу шокировала всех пожилых сплетниц.

Анна поняла, что имела в виду старшая сестра. Опустила глаза. Всё верно.

Катя, оттолкнувшись от дверного проёма, словно заставляя себя, прошла дальше в комнату. На столике перед Анной лежало ожерелье.

- Ты его нашла?

- Да...

- Где же оно было? Валялось на полу у Добровестовых?

- Нет... Понимаешь, какая глупость... Оно лежало в моей бальной книжечке, - Анна врать не умела, покраснела и часто захлопала ресницами. – Я его только на балу и обнаружила. Матушка просила его для тебя, возьми.

Но это могло быть и так. Мало ли?

Катя попыталась понять свою сестру. Но в последнее время это становилось всё труднее. Взяла ожерелье, полюбовалась голубыми переливами.

- И всё же нехорошо оказывать знаки внимания мужчине, когда помолвлена с другим. Тем более, на глазах у Григория Фёдоровича.

- Катя... я расторгну помолвку.

- Ты сошла с ума! Ты понимаешь, о чём говоришь?

- Понимаю. И теперь мне кажется, ещё понимаю, почему он так часто становится вдовцом. И Полина... Неужели ты её забыла? Ведь она была твоей подругой.

Катя нахмурилась. Не любила про это думать.

Полина последняя жена господина Усанова. Умерла чуть больше года назад.

- Ну, не совсем, конечно, подругой...

- Он их бил.

- Ты не можешь знать этого наверняка.

- Слух был. Но ведь он и сам сказал... Помнишь? Тут, у нас...

- Помню. А что же ты теперь решила? Всё это время молчала.

- Мне было... Мне было так плохо, что уже всё равно, что дальше... Лишь бы быстрее...

- А теперь стало лучше? – Катя едва не добавила язвительно, что улучшению самочувствия явно поспособствовало возвращение из заграницы Александра Андреевича.

- Да. Теперь я хочу... жить.

Через несколько минут Екатерина шептала на ухо матери ещё одну скандальную новость про младшую сестру.

Глава 36

- Дорогая, вы ничего не забыли? - Сергей Дмитриевич заглянул к жене.

Иногда излишняя забота раздражает. Особенно, когда она небеспочвенная.

- Кажется, нет, - Лидия Ивановна окинула взглядом полупустые полки и вешалки гардеробной.

- Тогда пойдёмте пить чай.

Но сам быстро посмотрел по сторонам, Лидия Ивановна это заметила. Значит, не доверяет. Значит, чай – это только предлог. На самом деле он хочет удостовериться, что она справилась со сборами в деревню.

Лидия Ивановна почувствовала раздражение. Трудно привыкнуть, что все её действия теперь будут контролироваться. Но она должна благодарить судьбу, что следить за ней будут любящие всепрощающие глаза. Её матери досталась худшая доля.

- Дорогая, ну что же вы... задумались?

Лидия Ивановна повернулась к мужу.

- Прости, я готова.

- А это платье? Почему вы его не взяли? – Сергей Дмитриевич коснулся вишнёвой ткани.

«Потому что я его ненавижу. Это платье - свидетель моего безумия. Потому что оно должно быть зелёным».

- Я думаю, в деревне мало поводов надеть его. Оно слишком нарядное.

- Ну что вы? Оно вам так идёт. Возьмите же его непременно.

- Хорошо... Я сейчас же уложу его.

Лидия Ивановна быстро опустила глаза, чтобы муж не успел уловить их выражение. Не успел сообразить, что она думает по поводу его заботы о её нарядах.

Вспомнилось раздражение матери. Тогда оно казалось необъяснимым и обидным. Теперь такое же переполняло её изнутри.

Вечером зашла в спальню дочери. Таня уже лежала в кровати. Взглянула на мать, закрыла глаза.

Лидия Ивановна подвинула стул к изголовью, села.

- Хочешь, я прочитаю тебе сказку?

Раньше Таня часто просила её об этом. Они отпускали мадемуазель Эмили, тесно прижимались друг к другу, читали и рассматривали картинки. Так заканчивался почти каждый их день.

Но теперь по-другому. И как раньше быть не может. Потому что раньше на низкой скамейке, у колен Лидии, сидела Маруся. Тоже слушала. И как-то так получилось, что перелистывать страницы доверили ей.

Теперь листать некому, вот и прекратились их вечерние чтения.

- Не хочу.

Лидия посмотрела на нежное личико дочери. Сказать? Вот уже несколько дней она колебалась. Боялась, что напрасная надежда ещё больше расстроит Таню.

Но... призрачная надежда лучше, чем никакой.

- Я написала дяде. Он занимает очень высокий пост. Он многое может.

Таня приоткрыла глаза, хмуро поглядела на мать.

- Я попросила помочь найти Марусю.

Глаза девочки при последних словах широко распахнулись.

- И вот он прислал мне ответ... Он пообещал сделать всё, что в его силах.

Таня в каком-то невысказанном прыжке выскочила из-под одеяла, обхватила шею матери и крепко-крепко обняла её.

Лидия почувствовала, как по щекам потекли слёзы.

- Прости меня, малышка.

- Он её найдёт?

- Он сделает всё возможное. А возможностей у него много...

Лидия Ивановна не стала уточнять, что человеческие силы очень ограничены.

Не стала и делиться своими страхами, ведь Маруси быть может уже нет в живых.

Трудно выжить маленькой девочке на чужих бескрайних дорогах.

Глава 37

- Мы-то Ксеню сначала не отличали от других девок, ну ходит, пушай ходит. Ихнее дело такое... сиротское. Иные вместе ходят, а она всё одна да одна. Теперь, значит, нашла себе компанию. На ночёвку таких пушать не крепко спешим. Да летом оно и ни к чему. Зимой – другое дело. Но тоже не особо радуемся таким гостям. В сарай на солому пусть лезут, что ж делать? Тоже... не от хорошей жизни по дорогам колесят.

Дуня надолго задумалась, разогнула уставшую спину, посмотрела невидящим взглядом в забор. Но, кажется, не забор ей виделся, а вереница сирых да обездоленных.

- Особенно детей жалко... - вздохнула тяжело, снова наклонилась над сорняками. – Да и девок тоже... Которые честные. А ведь стали воровки попадаться. Когда-то было, чтобы хаты запирались? Бывало, палочку воткнёшь в щеколду, да и идёшь себе куда надобно. А теперь закрываемся, даже когда корову надо в стадо отвести... Среди мужиков, что по дорогам ходят, всё больше пьяниц попадается. Тоже раньше такого не было. И где это они вино находят, чтобы столько пить? Не ведаю... К чему это я?

Дуня растерянно заморгала. Вспомнила.

- А... к тому, что не шибко во двор этих пешеходов пушают. А за Ксеньей чуть ли не гоняются, к себе зовут.

- С чего бы это? – Нюра тоже выпрямила спину, поглядела на хозяйку.

- Да не простая это девка, а, надо думать, меченая.

- Меченая?

- Не то, чтобы рог на лбу торчал, или копыто под юбкой... А всё же кто-то, видать, поместил...

Дуня неопределённо покрутила в воздухе пальцами.

- Ведьма что ли? – в голосе бабки послышалось недоверие.

- Да... нет, вроде. А может, да... Кто знает? Но что-то с ней нечисто.

- Как это? – задала Нюра Митькин коронный вопрос.

- Говорит!

- Да мы все, вроде, разговариваем, - притворилась Нюра, что не поняла, хотя уже давно догадалась к чему ведёт рассказчица.

- У-у, Нюра! Как услышишь, сразу поймёшь, что мы не так разговариваем.

«Уже слышала», - подумала бабка, но вслух не сказала.

- Как будто не она говорит. Как будто другой кто-то. Бывало, только что Ксения как Ксения сидела, а потом глазья вылупит, в них нету разума и начинает балакать, ажно волосы дыбом. И всю правду-матку как есть. Только не всегда в ней разберёшься...

- А что ж она? Ни с того, ни с сего начинает так-то заговариваться?

- Ну как ни с того, ни с сего? Днём от неё не слыхали. А всё по ночам. Вот люди и пользуются. Дожидаются урочного часа, а как она вскочит, как, скажи, полоумная, так люди давай ей вопросы задавать. Всем же хочется про свою судьбу узнать. Девки женихами интересуются, бабы – кто чем. У каждого свой интерес.

- И отвечает?

- Ну... не каждый раз, конечно, но отвечает. Иной раз не разберёшь. Мне вон сказала...

Дуня наморщила лоб, вспоминая.

- Специально выучила... Щас... А! Вспомнила! «Черпани борщом по лаптю!» Во как. До сих пор гадаю, чтобы это значило.

- Да-а уж, - удивилась и Нюра мудрёному предсказанию. – А может, ерунда всё это?

- Может, и ерунда.

- А ты бы спросила у Ксении, что её загадка означает.

- Так она не помнит ничего! Бабы допытывались, а она пугается, плачет. Как, скажи, память отшибает.

- А Акулина чего с палкой гонялась? Ей что не понравилось?

- А ей Ксения другое сказала. «Мать бить – красным пламенем гореть».

- И что?

- Бьёт ли Акулина старую Фёклу или нет – не знаю, не видала, но орёт на неё... ох! Вот это сама слыхала. Да все слыхали. А недавно хата у них сгорела. Едва успели выскочить. Вот она и злобствует, думает, что Ксения порчу навела... Правда, сама Акулина с того времени перед матерью присмирела.

- Знаешь, Дуня, - прищурила бабка глаз, - брешет Акулина, не думает про порчу.

- А ты откуда знаешь?

- Кабы думала – не полезла бы с палкой драться. Побоялась бы. А вот отвести от себя недобрые слухи, мол, девка переходящая в моих бедах виноватая, оно самое то.

Дуня молча наклонилась над грядками.

- Можя, и так, - добавила немного погодя.

Когда бабка возвращалась к своей речке, издали увидела четыре фигуры на высоком берегу. Одна из них отделилась и побежала навстречу.

- Маруся... Ишь ты... Соскучилась... Хорошо, что я не с пустыми руками, а с гостинцами, - порадовалась Нюра.

Вечером всё приглядывалась к Ксене, а когда улеглись спать, долго ждала – прислушивалась. Может, что скажет.

И услышала:

- Барин Николай идёт... Сонины слёзы считать.

Вот и пойми...

Глава 38

Стеша размазывала обидные слёзы по щекам и жаловалась сёстрам.

- Mamka опять наругалась. Даже за косу дёрнула. Дуркой обозвала. Сказала, что толку от меня, как от козла молока...

Девочка тяжело задышала. Кому понравится сравнение с козлом? И совсем не хотелось расти непутёвой дуркой. Но как исправиться – не знала.

Сестрички, хоть и слушали, но сочувствием не сильно прониклись, потому что от роду им было чуть больше полгода. То, что старшая сестра, по мнению их матери, не отличалась умом, им было безразлично. Стешу они любили – и всё.

Дети сидели под яблоней и слюнявили хлебные корки. Стеша смотрела за ними, заодно рассказывая про горькую долюшку.

- Давеча чкнула пальцем в лоб. Вот такой вот косточкой, - согнула палец, пытаюсь наглядно показать, что даже и пальцем можно нанести рану. И душевную, и телесную. – А что я такого сказала?

Стеша задумалась. Засомневалась. Может, она и вправду дурка? Есть одно дело, которое вызывает недоумение. Потому что очень чётко Стеша вспоминает одно, а мать утверждает другое.

Она точно помнит, что в начале зимы у мамки родилась одна девочка, а потом, может, дня через два, другая.

Но мать сказала, что, если ещё раз услышит такую дурь, выпорот Стешу хворостинкой, как кузькину мать. Или покажет кузькину мать. Стеша от расстройства не запомнила.

Вот девочка и недоумевала – как так? Кому верить? Себе? Своей голове и памяти? Или матери?

Хотела сунуться с расспросами к отцу, да вспомнила, что того как раз дома не было – ходил на дальнюю охоту. Ещё кабана тогда с мужиками принёс. Это же Стеша запомнила? Запомнила. Почему же запуталась в рождении своих сестёр?

Перевела зарёванные глаза на них. Судорожно вздохнула, но уже начала успокаиваться.

Ах, какие хорошие её сестрички. Обе беленькие, глазастенькие, а всё равно непохожие.

- Вот смотрите, что я помню... Помню, что был тогда вечер. Помню розовый снег. Это потому, что солнце его так раскрасило. А там, куда солнце не доставало, он уже был синим. Холодным. Потом в хату пришла тётка с каким-то кульком. Мать меня прогнала во двор, наказала корову напоить. Я пошла поить, а сама спешила, хотелось послушать, что тётка скажет. Но когда вернулась в хату, тётки уже не было. А у матери родилась дочка. Я не помню кто... То ли ты, Маньша, то ли ты, Глая. Но точно одна. Mamka мне показывала... Личико красное, сморщенное, как у бабушки старенькой.

Стеша захихикала, потом заглянула в светлые глаза сестриц – не обиделись? Но сёстры не обиделись.

- Во-от. А вторая родилась уже потом. Не помню, сколько дней прошло. Я проснулась, а рядом с первой уже вторая лежала. Поняли? Я сначала пыталась запомнить, кто первая, а кто вторая, а потом запуталась. Вы маленькие крепко похожие были. Это я теперь научилась вас различать. А мамка говорит, что вы родились сразу вместе... И что я дурка, - Стеша опять оттопырила нижнюю губу, но не заревела, сдержалась.

Маньше, видать, надоело слушать сестру, она бросила хлеб и поползла по траве. Но Стеша её ловко завернула. Не хватало, чтобы девки расползлись. Тогда мать точно прибьёт.

- А ещё я чтоточки видела... - Стеша перепуганно оглянулась, понизила голос. – Только это тайна. Её нельзя никому говорить. Mamka сказала – узнаю кому проговорилась – убью. Вот я и молчу...

- Стеха! – пронзительный женский визг заставил подпрыгнуть Стешу и выронить кусок хлеба Глаю. – Ты куда глаззя вылупила? Куры все грядки перерыли...

Мать ещё долго кричала, но Стеша уже не слушала. Она рванула спасать всё, что ещё можно было спасти.

А Маньша и Глая глядели ей вслед и хлопали большими глазами. Голубыми и зелёными.

Глава 39

На следующий день бабка и Ксения пошли в другую деревню. За речкой виднелась маковка церкви. Вёрст пять будет, определила бабка, прищунив глаз. Далековато, да не сидеть же на месте. Под лежачий камень вода не течет, и краюха хлеба сама собой не появится.

- Ты там бывала когда-нибудь? – прежде, чем тронуться в путь, поинтересовалась у Ксени.

Та долго хлопала глазами, вспоминая, потом выдавила тихое и виноватое:

- Не, за речку я ещё не ходила.

- Тогда пошли.

Митьку с собой не взяли. Страшно было девок одних оставлять.

А когда вечером уставшие возвращались, неся в узелке каравай хлеба, шмат сала и пучок зелёного лука, издали на берегу увидели лошадь. Она мирно паслась, на спине высилось седло, рядом никого не было видно. У бабки сердце нырнула сначала куда-то в живот, обожгло внутренности, а потом ударило в шею.

- Никак к нашим подъехали?

И ускорила шаг. А потом и вовсе чуть ли не побежала дробной рысью.

- Ксень, ты помоложе, беги... А то я пока доковыляю. Кабы чего ни случилось.

Но ничего страшного не случилось.

Пока испуганная и задыхающаяся бабка рассекала быстрые струи холодной воды, прибрежные ивы медленно открывали мирную картину. Правда, непривычную. Потому что на росшем горизонтально стволе одной из них сидел незнакомый мужик.

Нет, не мужик, почти сразу поменяла своё впечатление Нюра. Барин.

Окинула быстрым взглядом остальных. Девки целы. Митька с Марусей сидят около костра рыбу чистят, Ольга неподалёку песок пересыпает в ладонях.

- Бабушка! – бросилась навстречу Маруся.

- Тихо, тихо, не лезь в речку...

Мужчина встал.

- Доброго тебе здоровьица, - усмехнулся он.

«Молодой... Красивый. Зубами так и сверкает... А чего ты сверкаешь? Чему радуешься?».

Бабка стыдливо опустила юбку, которую пришлось задрать выше колен.

- И вам доброго здоровьица, - пропела фальшиво, в ответ показывая свои редкие коричневые зубы.

- Я тут с охоты мимо проезжал. Что, думаю, за дымок вьётся? Завернул, а тут, оказывается, вы обосновались.

«Прогонит!» - ёкнуло у бабки.

- Предлагал мальцу утку зажарить, - указал на дичь, лежащую некрасивой горкой неподалёку, - а он ни в какую. Бабка Нюра, мол, запретила чужое брать. Дай, думаю, дождусь Нюру, погляжу, что за бабка такая строгая. А ты вон какая.

«И чегой-то вздумал глядеть? Ай старушек не видел?»

- Вижу, вы люди хорошие...

Бабка и тут промолчала.

- Только нехорошо так-то по свету ходить... Или нравится?

- Да чего тут может нравиться? От хорошей жизни разве по миру ходят?

Бабка не хотела жаловаться, да разговор цеплял и уводил за собой.

- Митька мне рассказывал про вашу долюшку.

Митька вскинул чуть удивлённый хмурый взгляд.

«Брешет... Не рассказывал Митька...».

- Вот я и надумал вас к себе позвать.

У бабки тут рот и открылся.

- Во-он моё село, - махнул он в сторону, откуда Нюра с Ксеньей только что вернулись. – И в том селе хатка пустая стоит. Кривая да кособокая, зато ничья. Дед с бабкой недавно умерли. Заходите, живите.

- А... а... А у нас и деньги есть...

- Зачем мне ваши деньги? Себе оставьте.

- А как же?

- А так. Будет Митька ко мне на конюшню бегать. А? Будешь помощником конюха? Или коров стеречь?.. Девки будут работать...

- Не, девки не могут...

- Ба, я могу, - робко поправила Ксения.

- Вот и живите себе... Это же лучше, чем по свету шататься?

- А...

- Ну, - барин встал, - мне пора. Если надумаете, найдёте меня там, - махнул он рукой за реку. - Господский дом увидите – не ошибётесь.

И барин пошёл через реку прямо в штанах.

- А утки? – закричала Маруся вслед.

Но барин лишь рукой махнул и не оглянулся. Потом, уже на противоположном берегу, всё же обернулся, но посмотрел не на уток.

Глава 40

- Вот такие невесёлые дела, Василий.

Александр замолчал. Непростой рассказ утомил, перевернул всё внутри, но и заставил по-новому взглянуть на себя и ситуацию.

Кто он? Получается, подлец. И будь это другой, Александр бы не протянул руку для пожатия.

Ему до последнего казалось, что всё простительно, что так получилось, что любовь и страсть заставили потерять голову – с кем не бывает?

А ведь можно взглянуть на это с другой стороны. С той, которая только что открылась.

Соблазнил невинную девушку, воспользовался её неопытностью, а потом благополучно убрался за границу. Девушке пришлось одной понести всю тяжесть последствий – беременность, роды, потерю ребёнка, потерю любви и уважения семьи. Во всяком случае, тех членов, которые оказались в курсе.

Долгая пауза и молчание собеседника не сразу проникли в сознание, а когда Александр понял, что Василий ничего не ответил, резко поднял глаза, готовый увидеть во взгляде друга презрение. Но к его удивлению, никакого презрения не было, а была лёгкая, почти весёлая усмешка.

- Что ты?

- А я вот смотрю на твою поникшую голову и удивляюсь.

- О чём ты?

- О тебе... Вот ведь счастливец! А накрутил всего так, будто тяжелее доли и на свете нет.

- Счастливец? – Александр не понимал.

- А кто? У кого денег – куры не клюют? Кто отхватил наследство старого скряги? Кого полюбила красивая девушка, умная и добрая, полюбила тогда, когда за душой не было ни гроша... Ну или почти не было. Девушка, с которой можно счастливо идти по жизни... У кого, наконец, уже есть дочь?

- Но вот дочь моя неизвестно где...

- Верно. А ты бы хотел, чтобы судьба всё преподнесла тебе на блюдечке с голубой каёмочкой? Так что ли? А ты бы томно вкушал её подношения? Нет, брат, так не бывает. Надо и самому потрудиться.

И снова всё перевернулось в душе. Действительно, всё не так уж и плохо. Что это он расклеился?

С благодарностью взглянул на друга. Встал, протянул руку.

- Прощай... Признателен, что помог увидеть всё в истинном свете...

- Куда ты?

- Свататься. План такой. Я прошу руки Анны. Мы женимся, и я требую, чтобы Дарья Васильевна вернула дитя. Всё! Всё просто, - Александр чуть ли не потёр ладони от предвкушения скорого разрешения проблем.

Василий пожал руку. Проводил приятеля до дверей.

- Да нет... Не настолько просто. Кажется, что ты не всё учёл... - с лёгкой грустью произнёс он, когда дверь за Александром закрылась.

- Александр Андреевич! – Дарья Васильевна вскочила с кресла. Губы и подбородок её задрожал от возмущения. – Какая Анна? Вы забываетесь! Анна в скором времени выходит замуж! И прошу, больше не ищите её в этом доме. Моей младшей дочери здесь нет.

Глава 41

В душе Дарьи Васильевны всё клокотало. И не успокаивалось вот уже несколько дней.

Как из милой девочки выросло такое порочное чудовище? Когда? Где она, как мать, проглядела? Кто повлиял на её развитие?

Это хорошо, что Екатерина вовремя узнала, что эта неблагодарная желает расторгнуть помолвку. Это хорошо, что Дарья Васильевна успела принять меры, чтобы ещё раз попытаться спасти ситуацию.

Но всё чаще приходит желание махнуть рукой на судьбу Анны и воздать ей по заслугам.

И только материнское сердце, милосердное и терпеливое, всё ещё не желает идти на крайний шаг. Ведь тогда возврата не будет.

За окном застучали колёса экипажа. Дарья Васильевна отдернула штору. Неужто Георгий Лукич вернулся?

Из-за этой взбалмошной девчонки все их планы покатались кувырком. Пришлось отложить поездку в поместье. Появилась срочная необходимость другой поездки.

Георгий Лукич повёз непутёвую к бабушке.

А куда ещё? Ничего лучшего Дарье Васильевне в голову не пришло. Вернее пришло – монастырь. Постричь неугодную в монахини и пусть остаток жизни замаливает свои грехи. Но это уже будет следующим шагом. А пока она попробует ещё раз устроить её судьбу. Последний.

Бабушка живёт в глухой деревне, в маленьком поместье.

Теперь, зная характер дочери, Дарья Васильевна не рискнула оставить её одну. Старушка не в счёт. За неблагодарной должен быть зоркий глаз. Поэтому пришлось пойти ещё на одну жертву, отправить вместе с ней верную Агафью. И теперь она без своей горничной, как без рук. И это обстоятельство отнюдь не прибавило тёплых чувств к дочери.

- Григорий Фёдорович! – ахнула Дарья Васильевна, когда ко крыльцу подъехала коляска не мужа.

Она сжала губы, задумчиво покачала головой, приготовившись к непростому разговору, и поспешила навстречу гостю. Что ему говорить, продумала уже давно.

- Дорогой Григорий Фёдорович, такая беда. Бабушка прислала письмо с нарочным - заболела. У неё, знаете, возраст такой, что в любую минуту... А в Анне она всегда души не чаяла. Слезно просила увидеться с правнучкой. Вот Георгий Лукич и повёз. Анна просила вам кланяться. И письмо...

Дарья Васильевна передала пакет, вскользь отмечая, что Григорий Фёдорович вовсе не выглядел расстроенным. Кажется, если этот брак и состоится, то только благодаря её невероятным усилиям.

Престарелый жених небрежно развернул бумагу, пробежал глазами.

Дарья Васильевна украдкой заглянула через плечо, но без особого интереса. Содержимое прекрасно знала, ведь накануне это письмо писала Катя под её диктовку. Теперь беспокоило одно – насколько хорошо Григорий Фёдорович знает почерк своей невесты.

- Что ж, - сказал он, зевая, чтение, даже в малом количестве, вгоняло его в сон, - значит, увидимся осенью.

- Ну что вы! – горячо запротестовала Дарья Васильевна, опасаясь, что до осени её будущий зять утечёт, как песок между пальцами. – Вы непременно должны погостить у нас в поместье. Георгий Лукич настаивает. Если бы не его отъ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.